

М. В. Курникова¹

¹ Самарский государственный экономический университет, г. Самара, Россия

Теоретическое переосмысление парадигмы глобальной конкурентоспособности региона в контексте ограниченно открытой экономики

Курникова Марина Викторовна, кандидат экономических наук, доцент,
Самарский государственный экономический университет
E-mail: mvkurnikova@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9568-2774>
Web of Science Researcher ID: J-4359-2018
eLIBRARY SPIN-код: 5772-0169

Аннотация

Цель: теоретическое переосмысление категории «глобальная конкурентоспособность региона» и разработка ее новой концептуальной модели, адекватной реалиям формирующейся ограниченно открытой экономики.

Методы: теоретический анализ с применением историко-генетического метода, сравнительного анализа и метода концептуального моделирования. Исследование базируется на анализе классических и современных трудов по региональной экономике.

Результаты: выявлена несостоятельность традиционных парадигм глобальной конкурентоспособности, ориентированных на максимальную интеграцию в глобальные цепочки создания стоимости. Определены сущностные характеристики ограниченно открытой экономики, основанной на стратегической избирательности, приоритете национальной безопасности и активной роли государства. Разработана авторская теоретическая модель, определяющая глобальную конкурентоспособность региона как способность обеспечивать устойчивое развитие через управление балансом между избирательной внешней кооперацией (диверсификация экспорта), снижением критической импортозависимости (рост технологического суверенитета) и развитием адаптивного человеческого капитала, повышающего сложность экономики региона.

Научная новизна: предложена целостная концепция глобальной конкурентоспособности, направленная на преодоление концептуального разрыва между теорией и новой экономической реальностью. Впервые системно обоснованы: парадигмальный сдвиг от конкурентоспособности как функции интеграции к конкурентоспособности как функции управления уязвимостями; полярность «опора на региональный потенциал – глобальная избирательность» в качестве системообразующего принципа конкурентоспособности в условиях ограниченной открытости.

Практическая значимость: модель может служить основой для разработки конкретных инструментов региональной политики и стратегий, позволяющих оценивать и повышать способность регионов адаптироваться к санкционным шокам, развивать импортозамещение и осваивать новые рынки.

Ключевые слова:

региональная и отраслевая экономика, глобальная конкурентоспособность региона, ограниченно открытая экономика, детерминанты конкурентоспособности, импортозамещение, диверсификация экспорта, региональное развитие, санкционные ограничения, экономическая устойчивость, технологический суверенитет

Как цитировать статью: Курникова, М. В. (2026). Теоретическое переосмысление парадигмы глобальной конкурентоспособности региона в контексте ограниченно открытой экономики. *Russian Journal of Economics and Law*, 20(2), 290–317. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2026.2.290-317>

Scientific article

M. V. Kurnikova¹¹ Samara State Economics University, Samara, Russia

Theoretical rethinking of the paradigm of global competitiveness of a region in the context of a boundedly open economy

Marina V. Kurnikova, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Samara State Economics University

E-mail: mvkurnikova@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9568-2774>

Web of Science Researcher ID: J-4359-2018

eLIBRARY SPIN-code: 5772-0169

Abstract

Objective: to theoretically rethink the “global competitiveness of the region” category and to develop its new conceptual model, adequate to the realities of the emerging boundedly open economy.

Methods: theoretical analysis using the historical and genetic method; comparative analysis and conceptual modeling. The research is based on an analysis of classical and modern works on regional economics.

Results: the author revealed inconsistency of traditional paradigms of global competitiveness, which focus on maximum integration into global value chains, and their key theoretical contradictions under sanctions and the global market fragmentation. The essential characteristics of the boundedly open economy were defined (strategic selectivity, active government regulation, priority of security over net benefit, technological sovereignty, and constant search for balance). The author developed a theoretical model that defines the global competitiveness of a region as the ability to ensure sustainable development through managing a balance between three components: diversification of foreign economic links (with an increasing share of BRICS+ countries and non-primary exports), reduction of critical import dependence (development of technological sovereignty), and formation of adaptive human capital to increase the economic complexity of the region. The work proved that simply replacing a Western partner with an Asian one without changing the depth of dependence does not increase competitiveness, but reproduces risk.

Scientific novelty: for the first time, a holistic concept of global competitiveness was proposed, in which the system-forming principle is the polarity “reliance on regional potential – global selectivity”. For the first time, the following provisions were systematically substantiated: a paradigmatic shift from competitiveness as an integration function to competitiveness as a vulnerability management function; the polarity “reliance on regional potential – global selectivity” as a system-forming principle of competitiveness under bounded openness. The work showed that traditional theories (including concepts of clusters, global value chains, and smart specialization) require fundamental correction under bounded openness.

Practical significance: the developed model can serve as a theoretical basis for assessing the ability of regions to adapt to sanctions shocks; for distinguishing between a real increase in competitiveness and imitation through a change of partners; and for developing specific regional policy tools in the field of import substitution, export diversification, and human capital development.

Keywords:

regional and branch economics, global competitiveness of a region, boundedly open economy, determinants of competitiveness, import substitution, export diversification, regional development, sanctions restrictions, economic sustainability, technological sovereignty

For citation: Kurnikova, M. V. (2026). Theoretical rethinking of the paradigm of global competitiveness of a region in the context of a boundedly open economy. *Russian Journal of Economics and Law*, 20(2), 290–317. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2026.2.290-317>

Введение

Формирование модели ограниченно открытой экономики знаменует собой современный структурный сдвиг в развитии мировой хозяйственной системы (Афанасьев, 2022b. С. 7). Вызванная санкционными огра-

ничениями, торговыми войнами и последовавшей за ними геоэкономической фрагментацией ограниченно открытая экономика создает принципиально новые вызовы для регионального развития (Болгова и др., 2024. С. 650) и актуализирует пересмотр содержания и принципов глобальной конкурентоспособности региона. Классические парадигмы конкурентоспособности, ориентировавшие территории любого масштаба (страны, регионы, города) на максимальную интеграцию в глобальные цепочки создания стоимости, утрачивают объяснительную силу в условиях, когда ключевым драйвером регионального развития становится уже не глобальная интеграция, а способность к быстрой адаптации к санкционным шокам, переориентации на альтернативные рынки и обеспечению внутренней устойчивости (Зубаревич, 2022. С. 232).

В связи с этим возникает насущная потребность в критическом переосмыслении категории глобальной конкурентоспособности региона. На наш взгляд, сложившийся концептуальный разрыв приводит к тому, что применяемые на практике управленческие подходы, такие как ставка на привлечение иностранного капитала и узкую экспортную специализацию, в современных условиях не только не дают результата, но и создают прямые риски.

Наиболее остро это проявляется в регионах, чья экономика была до 2022 г. глубоко интегрирована в глобальные цепочки: например, Калужская область с развитым автомобильным кластером, Калининградская область с транзитной специализацией и Ленинградская область с развитой промышленностью, ориентированной на импортные комплектующие, – все они столкнулись с беспрецедентными вызовами после 2022 г., вплоть до остановки конвейеров и разрыва логистических коридоров. В ответ на эти вызовы регионы предприняли масштабные усилия по замене западных партнеров на преимущественно азиатских, перестройке логистики и диверсификации экспорта: например, Калужская область заменила европейских автопартнеров на китайских производителей¹, не уйдя при этом от высокой зависимости от импорта китайских комплектующих; Ленинградская область активно развивает связи с Республикой Беларусь, Казахстаном, Киргизией, Бразилией, Индией в сферах судостроения, переработки шин, фармацевтики; Калининградская область путем организации реверсивных бизнес-миссий в Кыргызстан² обращает свое внимание на географически значительно более удаленные, чем европейские, рынки сбыта. Однако во всех трех случаях предпринятые региональными органами власти меры призваны лишь смягчить текущие последствия шока, но не способны, на наш взгляд, решить коренную причину – структурную зависимость от внешних решений, технологий и логистических схем. И все эти меры, по сути, воспроизводят прежнюю логику развития, ориентированную на поиск конкурентных преимуществ во внешней интеграции, просто в ином географическом формате, не меняя при этом фундаментально уязвимой модели регионального развития, потенциально чувствительной к новым геоэкономическим потрясениям.

Таким образом, проблема данного исследования заключается в несоответствии существующего теоретико-методологического аппарата глобальной конкурентоспособности региона реалиям формирующейся модели ограниченно открытой экономики.

Несмотря на кажущуюся очевидность данного противоречия, его системное научное осмысление в академической литературе остается фрагментарным. Отдельные аспекты новой реальности, например, укрепление резильентности как способности региональной экономики адаптироваться к изменениям (Высоцкий, 2022. С. 3; Васин, Воропаева, 2025. С. 69; Гамидуллаева, 2024. С. 72), развитие импортозамещения (Сафиуллин и др., 2023. С. 60; Котов, 2023. С. 65) или переориентация на рынки стран БРИКС (Хмелева и др., 2024. С. 678), исследуются, как правило, изолированно друг от друга. В современной зарубежной литературе по региональному развитию и экономической географии вопросы глобальной конкурентоспособности также занимают важное место. Основное внимание в них уделяется вопросам измерения глобальной конкурентоспособности регионов (Kouskoura et al., 2024a; Fang et al., 2022) и критике европейского индекса региональной конкурентоспособности *EU Regional Competitiveness Index* (Borseková et al., 2024; Bocci et al., 2022), растет научный интерес к устойчивости и инклюзивности регионального развития (Kouskoura et al., 2024b), технологическим и знаниевым аспектам региональной конкурентоспособности (Kosfeld & Mitze, 2023; Beltran et al., 2024), но они по-прежнему опираются на парадигму глобализации и практически не затрагивают условия

¹ Как бы не China. Половина продаваемых китайских машин к 2026 году будут российской сборки. (2025, 19 ноября). Коммерсант. <https://www.kommersant.ru/doc/8212071>

² Центр поддержки экспорта Калининградской области организует реверсную бизнес-миссию из Кыргызстана. (2026, 14 января). Государственная платформа «Мой экспорт». <https://exportkld.ru/news/6507/>

фрагментации мирового рынка, вынужденного импортозамещения и стратегической изоляции. В то время как фундаментальные работы, посвященные непосредственно трансформации самой категории «глобальная конкурентоспособность региона» и ее детерминант в парадигме ограниченной открытости, на сегодняшний день практически отсутствуют. Таким образом, в научном дискурсе образовалась лакуна, требующая целостного теоретического синтеза.

Исходя из этого, целью настоящего исследования является теоретическое переосмысление категории «глобальная конкурентоспособность региона» и разработка новой концептуальной модели, адекватной реалиям ограниченно открытой экономики. Для достижения данной цели в статье решается комплекс взаимосвязанных задач:

- 1) выявить ключевые детерминанты конкурентоспособности региона, в том числе глобальной, через призму эволюции теоретических парадигм;
- 2) определить сущностные характеристики ограниченно открытой экономики как нового системного контекста;
- 3) разработать теоретическую модель, раскрывающую механизмы формирования конкурентоспособности в условиях ограниченной открытости.

Методологический аппарат исследования базируется на теоретическом анализе, что обусловлено концептуальным характером решаемой проблемы. В работе проанализирован значительный пласт классических трудов по региональной конкурентоспособности, включая как зарубежные (М. Портер, П. Кругман, У. Изард), так и отечественные научные школы разных эпох (А. Г. Гранберг, П. А. Минакир, Н. В. Зубаревич). При этом анализ современных исследований, актуальных для условий ограниченно открытой экономики, в силу особой остроты данной проблемы для российских регионов включал преимущественно работы отечественных авторов. В основе исследования лежат: историко-генетический метод, позволивший проследить эволюцию научных взглядов; сравнительный анализ для выявления ограничений существующих подходов; метод концептуального моделирования для синтеза новой теоретической конструкции. Использование этих методов направлено непосредственно на достижение цели работы – формирование новой концептуальной модели.

Результаты исследования

Эволюция теоретических парадигм глобальной конкурентоспособности региона

Теоретический фундамент современного понимания конкурентоспособности регионов был заложен в рамках классических и неоклассических подходов, которые сформировали два ключевых вектора анализа. Первый, восходящий к трудам А. Смита и Д. Рикардо, изучал источники сравнительных преимуществ в международной торговле. И если теория абсолютных преимуществ А. Смита (Смит, 1935) связывала конкурентный успех территории со способностью производить товары с меньшими удельными затратами, то модель сравнительных преимуществ Д. Рикардо (Рикардо, 2025) доказала, что специализация и торговля выгодны даже при отсутствии абсолютных преимуществ, определяя конкурентоспособность через минимизацию альтернативных издержек. Дальнейшее развитие эта линия получила в модели Хекшера – Олина (Heckscher, 1919; Ohlin, 1952), которая переключилась на относительную наделенность регионов факторами производства (капитал, труд, земля) как на детерминанту их специализации.

Второй вектор, пространственный, был инициирован исследованиями Й. Г. фон Тюнена, который впервые ввел в анализ ключевую переменную – транспортные издержки. Его модель «изолированного государства» (*der isolierte Staat* – нем.) продемонстрировала, что рентабельность и, следовательно, конкурентное преимущество любого вида сельскохозяйственной деятельности определяются не только естественным плодородием почвы, но и расстоянием до рынка сбыта (Тюнен, 1926). Развивая этот подход, А. Вебер в своей теории размещения промышленности создал первую общую модель, согласно которой оптимальное местоположение предприятия и его конкурентное преимущество определяются тремя взаимосвязанными факторами: транспортными издержками, стоимостью рабочей силы и агломерационными эффектами (Вебер, 1926). Практически одновременно В. Лаунхардт предложил строгую математическую модель (в оригинале у автора: *Lokations-Dreieck* (нем.) – локационный треугольник, впоследствии названный «точкой Лаунхардта») для поиска оптимального размещения, минимизирующего транспортные расходы (Launhardt, 1885).

Завершают этот теоретический пласт концепции пространственной организации В. Кристаллера и А. Леша. Теория центральных мест В. Кристаллера ввела принцип иерархичности пространства, где конкурентный успех территории определяется ее положением в системе центров, обслуживающих определенные зоны (Christaller, 1933). В свою очередь, А. Леш в своей работе «Пространственная организация хозяйства» предложил более динамичную модель «экономических ландшафтов» (нем. *Wirtschaftslandschaft*), формируемых взаимодействием спроса, издержек и конкуренции, где преимущества возникают эндогенно в процессе рыночного саморегулирования (Леш, 2007. С. 22).

Параллельно в советской науке сложилась мощная научная школа экономического районирования и теории территориально-производственных комплексов, разработанная Н. Н. Баранским (Баранский, 1927), Н. Н. Колосовским (Колосовский, 1959, 1968, 1970) и их последователями. В ее основе лежали принципы планового формирования специализированных районов и оптимизации межотраслевых связей для достижения народнохозяйственной эффективности.

Таким образом, ключевой идеей классического этапа стало понимание конкурентоспособности региона как функции от экзогенно заданных статических факторов – будь то сравнительные преимущества, наделенность ресурсами (в терминологии П. Кругмана: «первая природа» – *first nature* (Krugman, 1993. Р. 129) или оптимальное расположение в пространстве, детерминированное издержками.

Середина XX в. ознаменовалась принципиальным пересмотром классических представлений о природе конкурентных преимуществ регионов: в противовес статическим моделям сформировался новый подход, утверждавший возможность целенаправленного формирования конкурентных преимуществ через активизацию внутреннего потенциала территорий (формируемого эндогенными факторами: инновациями, знаниями, институтами и др.).

Ключевой вклад в этот парадигмальный сдвиг внесла теория полюсов роста Ф. Перру (Perroux, 1950), которая сместила акцент с оптимального размещения отдельных предприятий на отраслевую динамику и межотраслевые взаимодействия. Согласно исследователю, конкурентное преимущество региона возникает из способности концентрировать «пропульсивные отрасли» – *industries propulsives* (фр.) (Perroux, 1950. Р. V) – лидирующие сектора экономики, создающие новые товары и технологии, поскольку именно они генерируют кумулятивные эффекты распространения инноваций и инвестиций, формируя полюс роста – территорию с повышенной экономической активностью.

Эту теорию развил Ж. Будвиль, введя понятие «регионального полюса роста» (фр. *pôle de croissance régional*) как географической агломерации расширяющихся отраслей в урбанизированной зоне (Boudeville, 1963. Р. 116). Его главный вклад заключается в синтезе отраслевого и территориального подходов: конкурентное преимущество региона возникает из синергии между лидирующими отраслями, инфраструктурой и конкретной урбанизированной территорией.

Параллельно Г. Мюрдаль в теории кумулятивной причинности предложил важное объяснение устойчивости регионального неравенства. Он доказал, что рыночные процессы в отсутствие целенаправленного вмешательства усиливают, а не уменьшают диспропорции между регионами (Myrdal, 1957). Более развитые территории аккумулируют преимущества через «эффекты обратного потока», притягивая капитал, квалифицированную рабочую силу и инновации из периферии, тогда как позитивные «эффекты распространения» (в оригинале у автора *spread effects* (Myrdal, 1957. Р. 51), в последующей литературе других авторов чаще называемые *spillover effects* (Liao, 2025)) часто оказываются слишком слабыми для компенсации этого оттока.

Так, ключевой идеей этого этапа развития теории стало признание возможности создания конкурентных преимуществ внутри региона через целенаправленную концентрацию ресурсов в пропульсивных отраслях, однако с осознанием устойчивого, кумулятивного характера пространственного неравенства, требующего активного государственного вмешательства для своей коррекции.

Период конца XX – начала XXI в. ознаменовался становлением институционально-эволюционной и сетевой парадигмы, которая радикально трансформировала понимание конкурентоспособности, рассматривая ее не как состояние, а как динамический процесс непрерывной адаптации и обучения, определяемый способностью региона генерировать и внедрять инновации.

Фундаментальный вклад в этот пересмотр внес М. Портер, чья концепция «конкурентного ромба» (*The Diamond Model*) и теория кластеров, которые вместо макроэкономических показателей изучали микроуровень фирм и их взаимодействий (Porter, 1998. Р. 72; 2008). Исследователь доказал, что устойчивые

конкурентные преимущества создаются не унаследованными ресурсами, а в рамках географических кластеров – концентраций взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков, сервисных организаций и научных институтов.

П. Кругман (Krugman, 1994) и представители «новой экономической географии» (Boschma & Frenken, 2009; Boschma et al., 2017) дали математическое обоснование процессам кластеризации и выявили ключевые ее механизмы: возрастающую отдачу от масштаба, транспортные издержки и кумулятивные процессы типа «центр – периферия». Эти модели показали, что конкурентные преимущества в глобальном масштабе возникают как эмерджентное свойство сложных пространственных систем.

Эволюционная экономическая география Р. Бошмы, Р. Мартина (Boschma & Martin, 2010; Martin & Sunley, 2007) обогатила этот подход концепцией зависимости от предшествующего пути развития (*path dependence*), доказав, что исторически сложившиеся траектории специализации определяют возможности будущего развития регионов. Теория региональных инновационных систем Ф. Кука (Cooke, 2018), Б. Асхейма (Asheim et al., 2006, 2011, 2016) обратила внимание на роль сетевых взаимодействий между предприятиями, университетами и властью в генерации и диффузии знаний.

Дальнейшее развитие парадигмы связано с теориями глобальных цепочек создания стоимости Г. Гереффи (Gereffi et al., 2005) и «умной специализации» (*smart specialization*) Д. Форэ (Foray, 2014) которые окончательно переместили фокус внимания со статической специализации на стратегическое позиционирование регионов в глобальных производственных и инновационных сетях.

Формирование современного теоретического консенсуса сопровождалось развитием не только качественных, но и множественных количественных инструментов для измерения конкурентного потенциала территорий, при этом их большое количество вызвано самой обширностью данной категории: по меткому выражению П. Кресла, «конкурентоспособность – не та категория, которая напрямую может быть измерена; все, что можно с нею сделать, – это измерить ее характер и величину той тени, которую она бросает» (Kresl & Singh, 2001. Р. 118). По оценке Т. Бергера и Дж. Бристоу, имеется не менее 33 различных эмпирических расчетов конкурентоспособности регионов в США, Великобритании и Европе, проводимых и публикуемых регулярно и ежегодно и положенных в основу соответствующих международных и национальных рейтингов (Berger & Bristow, 2009. Р. 378).

К наиболее авторитетным международным рейтингам относится Индекс глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума (*GCI от The Global Competitiveness index*³), последняя версия которого была рассчитана и опубликована в 2020 г. Глобальную повестку в оценке национальной конкурентоспособности формирует также Ежегодник мировой конкурентоспособности IMD⁴, в котором конкурентоспособность понимается как способность стран обеспечивать высокий уровень благосостояния своим гражданам в зависимости от того, насколько продуктивно страна использует имеющиеся ресурсы; соответственно, оценке подвергается деятельность различных институтов, реализованные меры политики (для получения данных используются в том числе опросы руководителей высшего звена, в 2025 г. – в 69 странах) и другие факторы, которые определяют устойчивые текущие и среднесрочные уровни экономического благополучия страны и ее населения. Среди авторитетных рейтингов стоит выделить также рейтинг «Ведение бизнеса» Всемирного банка (*Doing Business*)⁵. Несмотря на то, что эти инструменты разработаны преимущественно для странового уровня, их концептуальные рамки и наборы индикаторов (особенно в сферах институтов, инфраструктуры, инноваций и человеческого капитала) служат важной основой и ориентиром для разработки региональных методик. Так, практика Европейского союза в рамках «Европейского семестра» демонстрирует возможности адаптации общих подходов к анализу конкурентных позиций субнациональных территорий и региональных группировок, учитывая их специфические институциональные и экономические условия. Примером такой адаптированной методики служит региональный индекс конкурентоспособности Европейской

³ Global Competitiveness Report 2020. (2020, December 16). The World Economic Forum. <https://www.weforum.org/publications/the-global-competitiveness-report-2020/>

⁴ IMD world competitiveness ranking. (n.d.). IMD. <https://www.imd.org/centers/wcc/world-competitiveness-center/rankings/world-competitiveness-ranking/>

⁵ Doing Business - Rankings. (2020). The World Bank Archive. <https://archive.doingbusiness.org/ru/rankings>

комиссии (*RCI*)⁶, который напрямую измеряет способность регионов ЕС обеспечивать высокий и устойчивый уровень благосостояния на основе анализа базовых условий, эффективности экономики и инновационности.

Важным способом измерения конкурентоспособности является также расчет индекса экономической сложности (*Economic Complexity Index, ECI*), впервые представленный в работе С. Хидальго, Р. Хаусманна. В отличие от представленных выше рейтингов, он оценивает не статические преимущества, а объем накопленных в экономике производственных знаний и компетенций через анализ структуры и диверсификации ее экспорта (Hidalgo & Hausmann, 2009). Авторы показали, что высокий индекс экономической сложности *ECI* свидетельствует не просто о разнообразии производимых товаров, а о способности создавать сложные, не повсеместно доступные продукты (р. 10575), что, в свою очередь, требует развитой сети компетенций и кооперации (Sciarra et al., 2020). Этот подход значительно углубляет понимание региональной конкурентоспособности, поскольку позволяет прогнозировать ее рост и резильентность: так, следующее эмпирическое исследование самого автора *ECI* Сезара Хидальго показало, что уровень сложности экономики тесно коррелирует с более высокими доходами, потенциалом инноваций и со способностью к долгосрочному росту (Hidalgo, 2021. Р. 110), а расчеты Л. Мьюиса и Т. Брекеля показали, что рост технологической сложности на 10 % в регионах ЕС влечет за собой увеличение подушевого ВВП примерно на 0,45 % (Mewes & Broekel, 2022). В связи с резильентностью как способностью адаптироваться к изменениям более сложные экономики меньше зависят от ценовой конкуренции, тогда как низкая сложность повышает уязвимость (Magacho et al., 2021).

Метрики экономической сложности предлагают важное объяснение торговой конкурентоспособности территорий, поскольку являются индикаторами различий в структуре и качестве экспорта: исследования показывают, что существующая структура компетенций региона – а именно она, а не ресурсный потенциал и является истинной предпосылкой экономической сложности – определяет возможные и эффективные пути его диверсификации, что является основой долгосрочной конкурентоспособности (Balland et al., 2022; Olasehinde-Williams & Oshodi, 2021). В дальнейшем концепция экономической сложности послужила инструментом для разработки стратегий «умной» специализации и промышленной политики в ЕС, однако их оценки показали, что экономическая сложность одних регионов усиливает региональное неравенство, хотя «сложные» регионы легче диверсифицируются в новые высокотехнологичные сектора (Queiroz et al., 2024).

Отдельный пласт исследований, тесно интегрирующих теоретические концепции с эмпирическим анализом, представлен работами Центра международной конкурентоспособности (*Centre for International Competitiveness*)⁷. Его сооснователи, профессора Роберт Хаггинс и Хиро Изуши, развивают серию индексов (в том числе *European Competitiveness Index* и *UK Competitiveness Index*), в основе которых лежит понимание конкурентоспособности как способности экономики привлекать и удерживать фирмы, повышая уровень жизни населения⁸. Научные основания авторского рейтингования представлены в монографии «Глобальная конкурентоспособность регионов», в которой дана авторская методология Всемирного индекса конкурентоспособности регионов (*WCIR*). Данный индекс, охватывающий более 500 регионов по всему миру, оценивает способность территории генерировать, применять и коммерциализировать знания, рассматривая этот процесс как ключевой драйвер долгосрочного благосостояния и основу для стратегий «умной специализации» (Huggins et al., 2014).

Эволюция указанных теоретических взглядов на конкурентоспособность регионов и практических способов ее оценки в отечественной науке имела особую траекторию. Распад СССР и переход к рыночной экономике потребовали кардинального пересмотра сложившегося в советский период методологического аппарата, где конкурентоспособность региона отождествлялась с планово-производственной эффективностью в рамках народнохозяйственного комплекса (Гранберг, 1973; Шнипер и др., 1989). С 1990-х гг. произошла концептуальная революция: регион стал восприниматься как самостоятельный актор, вынужденный конкурировать на «рынке территорий» (Коломиец, 1999). Это потребовало адаптации западных теорий к российским реалиям, уникальным вызовам и возможностям развития российского регионов. Ключевыми направлениями этих исследований выступают:

⁶ EU Commission publishes the Regional Competitiveness Index for all EU regions. (2024, October 2). IEU Monitoring. https://ieu-monitoring.com/editorial/eu-commission-publishes-the-regional-competitiveness-index-for-all-eu-regions/403740?utm_source=ieu-portal

⁷ Center for Industrial Competitiveness (CFORIC). (n.d.). <https://cforic.org/https://cforic.org/>

⁸ Competitiveness Index Reports. (n.d.). Center for Industrial Competitiveness (CFORIC). Retrieved January 11, 2026, from, from <https://cforic.org/competitiveness-index-reports/>

1) анализ факторов конкурентоспособности в условиях российской специфики, включая изучение влияния масштабов территории, резкой пространственной неоднородности, исторического наследия централизованного планирования и экстремальных транспортных издержек на региональное развитие и конкурентоспособность (Гранберг, 2001; Минакир, 2011; Коломак, 2019; Важенин, Важенина, 2012; 2015; Хмелева и др., 2023; Хмелева, Скреблов, 2024а, 2024б, 2025; Головихин, Валетов, 2015; Головихин, Неживенко, 2015, 2016 и др.);

2) исследование ресурсной модели развития, включая выявление парадоксов конкурентоспособности сырьевых регионов, анализ механизмов ресурсной зависимости и разработку стратегий диверсификации региональной экономики (Татаркин, 2006; Кузнецова, 2013; Гринчель, 2013; Левин и др., 2015; Стыров, Носов, 2021 и др.);

3) развитие теорий пространственной организации и управления, включая адаптацию и разработку концепций пространственного развития (макрорегионы, опорные зоны, кластеры), а также инструментов стратегического управления для повышения конкурентоспособности регионов в условиях российской географии (Зубаревич, 2017, 2019; Минакир, 2019; Татаркин, 2012, 2013; Ларионова, 2007; Чайникова, 2009, 2012; Гагарина, 2012; Гагарина, Чайникова, 2016; Коваленко, Оникийчук, 2022, 2023 и др.);

4) исследование фундаментальной роли качества институтов, развития человеческого капитала (включая трудовые ресурсы, инновационный потенциал, качество рабочей силы) и социальных факторов как ключевых источников устойчивых конкурентных преимуществ регионов в российском контексте (Калужнова, 2011, 2014; Нуреев, 2000, 2009; Унтура, 2019; Бусыгина, Филиппов, 2013; Бекетов, 2008; Балханов, 2015 и др.);

5) немногочисленный пласт работ (всего 18 статей в базе РИНЦ⁹) посвящен исследованию экономической сложности региональных экономик, в их числе развитие методологии оценки экономической сложности в работах исследователей ЦЭМИ РАН (Афанасьев, Гусев, 2023; Афанасьев и др., 2023), исследования взаимосвязи сложности и регионального экономического роста (Кудров, 2023), взаимосвязи экспортной сложности регионов и структурной сложности их экономик (Шубин, 2021).

Исследования в рамках этих направлений формируют уникальную российскую школу изучения регионального развития, основанную на глубоком понимании специфики национального пространства.

Таким образом, к началу 2020-х гг. сформировался современный теоретический консенсус, рассматривающий конкурентоспособность как динамический процесс, определяемый инновациями, кластерами, институтами и интеграцией в глобальные сети (рис. 1).

Проведенный анализ эволюции теоретических представлений раскрыл общие детерминанты конкурентоспособности региона. Однако феномен именно глобальной конкурентоспособности – способности региона успешно позиционироваться в системе международного разделения труда – требует отдельного рассмотрения.

Анализ существующих подходов к концептуализации глобальной конкурентоспособности региона демонстрирует разнородность их теоретических оснований, выраженную в двух ключевых дихотомиях:

1) при определении объекта конкурентоспособности выделяются:

– экспортно ориентированная трактовка (внешняя глобальная конкурентоспособность региона), которая акцентирует внимание на способности региональных предприятий успешно конкурировать на глобальных рынках товаров и услуг. Конкурентоспособность региона здесь преимущественно производна от конкурентоспособности его экспортного сектора (Хмелева, Скреблов, 2024а, 2024б; Курникова, 2024; Воронкова, 2017). Центральными показателями выступают объем, структура и динамика экспорта, доля на мировых рынках, сравнительные преимущества и экспортная специализация (Хмелева, Скреблов, 2024а, 2024б; Головихин, Валетов, 2015; Головихин и др., 2019);

– территориально-инвестиционная трактовка (глобальная привлекательность), акцентирующая внимание на способности региона как целостной системы привлекать и удерживать мобильные ресурсы (прямые иностранные инвестиции (далее – ПИИ), квалифицированную рабочую силу, туристов, резидентов) в конкурентной борьбе с другими территориями (Багайников, 2016; Харитонов, 2008; Филобокова, 2014). Ключевые индикаторы – приток ПИИ, миграционный баланс, туристический поток, инвестиционный рейтинг региона.

⁹ Результат поисковой выдачи по запросу: что искать «экономическая сложность регион»; где искать «в названии публикации»; тип публикации «статьи в журналах»; тематика «Экономика. Экономические науки», параметры «с учетом морфологии», остальные поля без заполнений.

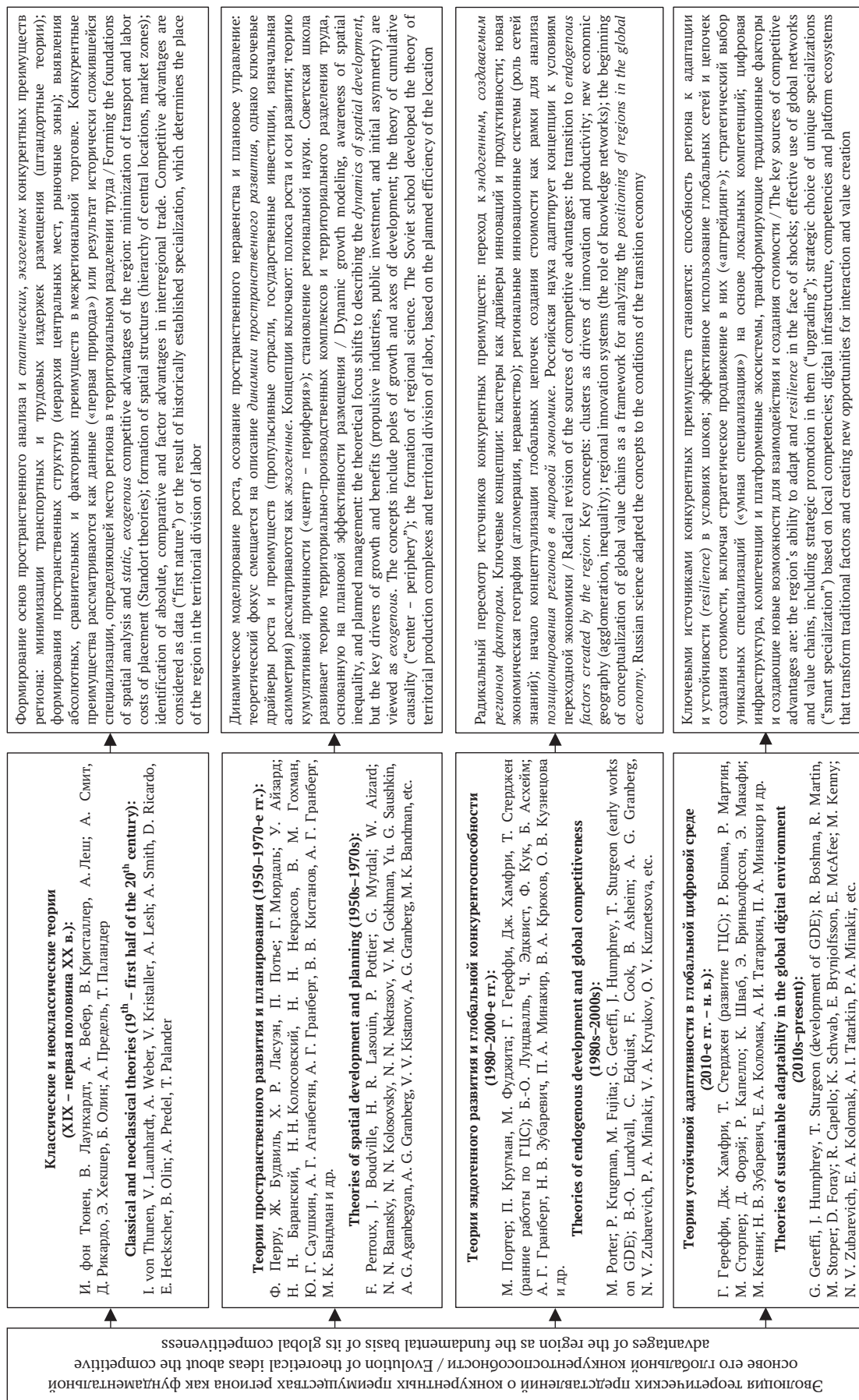

Рисунок 1. Эволюция теоретических представлений о конкурентных преимуществах региона как фундаментальной основе его глобальной конкурентоспособности
Figure 1. Evolution of theoretical ideas about the competitive advantages of a region as the basis of its global competitiveness

Этот подход подчеркивает роль региона как привлекательной площадки для размещения деятельности и жизни, его интеграцию в глобальные воспроизводственные системы через приток капитала и человеческих ресурсов (Багайников, 2016; Ищенко-Падукова, Мовчан, 2019);

2) при концептуализации природы феномена глобальной конкурентоспособности региона выделяются:

– трактовки глобальной конкурентоспособности региона как *совокупности факторов* (преимуществ), где сама конкурентоспособность отождествляется с наличием уникальных ресурсов, развитой инфраструктуры (включая транспортную), человеческого капитала, инновационного потенциала, кластерных структур (Михайлов, Стрябкова, 2009; Дементьева, 2010) или эффективных институтов (Фролова, 2009; Филобокова, 2014). Эта позиция акцентирует *потенциал* для достижения успеха, лежащий в основе стратегического позиционирования региона в глобальном пространстве (Фролова, 2009; Аманов, 2017). Развитие этих факторов рассматривается как условие и стратегический вектор повышения региональной конкурентоспособности;

– трактовки глобальной конкурентоспособности региона как *результата*, где она понимается как фактическая способность региона достигать и поддерживать высокие темпы экономического роста, уровень занятости, доходы населения и качество жизни в условиях глобальной конкуренции, что находит отражение в динамике валового регионального продукта (далее – ВРП), производительности труда, уровне благосостояния, успешности экспорта (Головихин и др., 2019; Куц, 2009). Эта позиция фокусируется на итоговых показателях эффективности использования потенциала и реальных достижениях региона на внутреннем и внешнем рынках (Головихин и др., 2019; Понкратова, 2012).

Данный концептуальный плюрализм, отражающий сложность и многомерность феномена глобальной конкурентоспособности региона, сложился преимущественно в рамках парадигмы глобализации с ее относительно свободным движением факторов производства и универсальными «правилами игры» (Хуснутдинов, Ахметгареева, 2024). Однако базовые принципы этих теорий – будь то безусловная выгода от специализации, нейтральность глобального рынка или максимизация открытости как ключ к росту – вступают в системное противоречие с реалиями формирующихся «многополярного мирового порядка»¹⁰ и «новой нормальности»¹¹ (табл. 1).

Таблица 1. Ограничения традиционных теорий глобальной конкурентоспособности региона в современных условиях

Table 1. Limitations of traditional theories of global competitiveness of a region in modern conditions

Теоретическая концепция / Theoretical concept	Основной принцип/принципы / Key principle(s)	Теоретическое противоречие в современных реалиях / Theoretical contradiction in modern conditions
Классические и современные теории международной торговли / Classical and modern theories of international trade	Специализация на основе абсолютной/относительной наделенности факторами производства максимизирует глобальную и национальную эффективность и благосостояние / Specialization based on absolute/relative endowment with production factors maximizes global and national efficiency and well-being	Принцип безусловной выгоды от специализации вступает в противоречие с императивом безопасности, поскольку глубокая специализация региона в критических цепочках, интегрированных в «недружественные» блоки, ведет не к росту благосостояния, а к системной уязвимости и шокам при разрыве связей / Principle of unconditional benefit from specialization conflicts with the imperative of security, since the deep specialization of the region in critical chains integrated into “unfriendly” blocks does not lead to increased prosperity, but to systemic vulnerability and shocks when connections are severed

¹⁰ Текст выступления С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2025 г. (2026, 20 января). Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом. <https://pravfond.ru/press-tsentr/stati/vystuplenie-s-v-lavrova-v-khode-press-konferentsii-po-itogam-deyatelnosti-rossiyskoy-diplomatii-v-20/>

¹¹ В УрО РАН задумались о расширении сфер влияния. (2023, 14 апреля). Российская академия наук. <https://new.ras.ru/press-center/v-uro-ran-zadumalis-o-rasshirenii-sfer-vliyaniya/>

Теоретическая концепция / Theoretical concept	Основной принцип/принципы / Key principle(s)	Теоретическое противоречие в современных реалиях / Theoretical contradiction in modern conditions
Теории, связывающие конкурентоспособность со способностью привлечь мобильные факторы производства / Theories linking competitiveness with the ability to attract mobile factors of production	Ключевой показатель конкурентоспособности – способность региона привлекать и удерживать мобильный капитал, технологии и высококвалифицированную рабочую силу / Key indicator of competitiveness is the region's ability to attract and retain mobile capital, technology, and highly skilled labor	Мобильность факторов ограничена санкциями, экспортным контролем и визовыми барьерами, поэтому глобальная конкурентоспособность все больше зависит от развития внутренних, локализованных и немобильных активов / The factor mobility is limited by sanctions, export control and visa barriers, so global competitiveness increasingly depends on the development of domestic, localized, and non-mobile assets
Парадигма глобализации и теории глобальных цепочек создания стоимости / The globalization paradigm and the theory of global value chains	Конкурентоспособность региона определяется его способностью занять и удержать ценную нишу в глобальных сетях производства, обеспечивающую доступ к рынкам, технологиям и инвестициям / The competitiveness of a region is determined by its ability to occupy and retain a valuable niche in global production networks, providing access to markets, technologies and investments	Политическая фрагментация мировой экономики начинает делить единое пространство глобальных цепочек создания стоимости на отдельные «анклавы» / The political fragmentation of the global economy is beginning to divide the single space of global value chains into separate “enclaves”
Неоклассические теории регионального развития, оправдывающие логику минимального государственного вмешательства / Neoclassical theories of regional development justifying the logic of minimal government intervention	Роль государства сводится к созданию условий, таких как инфраструктура, верховенство права, а рынок сам оптимально распределяет ресурсы / The government role is to create conditions such as infrastructure, the rule of law, while the market optimally allocates resources	Государство становится ключевым стратегическим агентом в перестройке цепочек, обеспечении технологического суверенитета и управлении рисками / The state is becoming a key strategic agent in restructuring supply chains, ensuring technological sovereignty, and managing risks
Концепции «умной специализации» и кластерного развития / Concepts of “smart specialization” and cluster development	Конкурентоспособность основана на выборе и развитии уникальных специализаций региона через фокус на его сильные стороны и связи с глобальными сетями знаний / Competitiveness is based on the selection and development of the region's unique specializations by focusing on its strengths and links to global knowledge networks	Доступ к передовым знаниям и технологиям стал избирательным и политически обусловленным / Access to advanced knowledge and technology has become selective and politically driven

Таким образом, в условиях новой реальности основополагающие допущения классических парадигм ставятся под сомнение, поскольку традиционные источники глобальных конкурентных преимуществ утрачивают силу, а на первый план выходят факторы устойчивости и стратегического суверенитета, необходима уточненная теоретическая модель.

Ограниченно открытая экономика как новый глобальный контекст

Современный этап развития мировой хозяйственной системы характеризуется кризисом парадигмы глобализации и формированием модели ограниченно открытой экономики. Этот переход стал результатом кумулятивного воздействия ряда структурных кризисов: финансового кризиса 2008–2009 гг., обострившего проблему социально-экономического неравенства; пандемии COVID-19, выявившей уязвимость глобальных цепочек поставок, и санкционного противостояния 2022 г., ставшего катализатором фрагментации мирового экономического пространства. Индикатором этого процесса служит снижение доли международной торговли в ВВП многих стран, включая США и Китай, что свидетельствует о сдвиге от глобальной интеграции к более избирательным моделям взаимодействия.

В контексте глобальных экономических процессов концепция ограниченно открытой экономики представляет собой промежуточную модель между полностью открытыми и закрытыми системами (табл. 2). В отличие от открытой экономики, характеризующейся свободной торговлей и беспрепятственным движением капитала, ограниченно открытая экономика предполагает избирательное участие в международной торговле и интеграцию в мировую хозяйственную систему.

Таблица 2. Сравнительный анализ моделей экономической открытости
Table 2. Comparative analysis of the models of economic openness

Критерий / Criterion	Открытая экономика / Open economy	Ограниченно открытая экономика / Boundedly open economy	Закрытая экономика (автаркия) / Closed economy (autarchy)
Степень интеграции в мировое хозяйство / Degree of integration into the global economy	Глубокая, участие в глобальных цепочках создания стоимости максимально велико / Deep; participation in global value chains is maximally high	Контролируемая и избирательная, локализация ключевых звеньев глобальных цепочек создания стоимости / Controlled and selective; localization of key links in global value chains	Крайне ограниченная, минимальная роль внешней торговли в экономике / Extremely limited; minimal role of foreign trade in the economy
Свобода движения товаров/услуг / Free movement of goods/services	Высокая, минимальные барьеры для импорта/экспорта, широкая доступность импортных товаров / High; minimal barriers to import/export, wide availability of imported goods	Ограниченная, в связи с санкционными барьерами и контрсанкциями, легализация параллельного импорта как вынужденная мера, активная диверсификация поставщиков и покупателей / Limited legalization of parallel imports as a necessary measure due to sanctions and counter-sanctions; active diversification of suppliers and buyers	Жесткие ограничения, государственная монополия на внешнеэкономическую деятельность (далее – ВЭД) (в СССР – до сер. 1980-х), плановое определение объемов и номенклатуры экспорта/импорта / Rigid restrictions; state monopoly on foreign economic activity (further – FEA) (in the USSR – until the mid 1980s), planned export/import volumes and nomenclature
Роль государства во внешнеэкономической деятельности / The role of the state in foreign economic activity	Минимальная регуляторная, либерализация ВЭД, рыночный курс национальной валюты / Minimally regulatory; liberalization of foreign economic activity; market exchange rate of the national currency	Активная и стратегическая, государство – ключевой субъект трансформации: стратегическое планирование, контроль критических операций, поддержка импортозамещения, формирование новых правил и институтов, влияние на курс рубля / Active and strategic; the state is a key subject of transformation: strategic planning, control of critical operations, support for import substitution, formation of new rules and institutions, influence on the ruble exchange rate	Абсолютная доминирующая, полная госмонополия на ВЭД, плановое определение объемов и номенклатуры экспорта/импорта / Absolutely dominant; complete state monopoly on foreign economic activity, planned export/import volumes and nomenclature
Основной принцип внешнеэкономической деятельности / The basic principle of foreign economic activity	Экономическая целесообразность и рыночная выгода, интеграция в мировую экономику как главный инструмент роста / Economic feasibility and market benefits, integration into the global economy as the main growth instrument	Диалектическое сочетание экономической выгоды и национальной безопасности (особенно технологического суверенитета), равноправное партнерство при приоритете безопасности / Dialectical combination of economic benefits and national security (especially technological sovereignty), equal partnership with prioritized security	Идеологическая и политическая целесообразность, поддержка «дружественных режимов», достижение автаркии / Ideological and political expediency, support for “friendly regimes”; achieved autarchy
Механизмы обеспечения национальной безопасности / Mechanisms for ensuring national security	Рыночные механизмы и интеграция / Market mechanisms and integration	Активная государственная политика по обеспечению технологического суверенитета, импортозамещению и импортоопережению, контролю стратегических активов, развитию национальной платежной системы, поддержке логистической перестройки / Active state policy to ensure technological sovereignty, import substitution and import conservation, control of strategic assets, development of the national payment system, and support for logistical restructuring	Автаркия и самообеспечение, плановая модернизация на внутренней технологической базе / Autarchy and self-sufficiency, planned modernization on an internal technological basis

Источник: составлено по (Афанасьев, 2022а).

Source: compiled by (Afanasyev, 2022a).

Таким образом, ограниченно открытая экономика как модель характеризуется следующими сущностными чертами:

1) *стратегическая избирательность* географических направлений (в контексте России современного периода – акцент на сотрудничество с «дружественными» странами и альтернативными центрами силы:

БРИКС+, ЕАЭС, Азия) и секторов экономики (приоритет безопасности в критических отраслях, большая открытость в нестратегических) для обеспечения минимизации рисков и максимизации выгод в условиях санкций и фрагментации;

2) активное государственное регулирование ВЭД с применением комплекса протекционистских мер (тарифных и нетарифных барьеров), жесткого контроля за движением капитала (особенно оттоком) и валютными операциями, критическими экспортно-импортными операциями, формирование новых правил и институтов взаимодействия (например, национальных платежных систем);

3) экономическая выгода подчинена задачам обеспечения ключевых аспектов национальной безопасности: экономической (устойчивость к внешним шокам), технологической (контроль над критическими цепочками, развитие компетенций), продовольственной (самообеспеченность базовыми продуктами), финансовой (стабильность системы);

4) основой безопасности становится технологический суверенитет – достижение независимости в разработке и производстве критически важных технологий либо обеспечение надежного доступа к ним через кооперацию с доверенными партнерами;

5) постоянный поиск и поддержание равновесия между: а) преимуществами открытости в виде доступа к новым рынкам сбыта, (избирательного) привлечения инвестиций, получения передовых технологий (где возможно), участия в международном разделении труда; б) необходимостью защиты и минимизации уязвимости к санкциям, критической зависимостью от импорта, защитой внутреннего рынка и производителей, сохранением контроля над стратегическими активами и цепочками создания стоимости.

Формирование модели ограниченно открытой экономики оказывает дифференцированное воздействие на российские регионы, выступая катализатором глубоких структурных изменений в территориальной организации экономики. Анализ современных тенденций позволяет выявить несколько ключевых направлений этого влияния:

1. Значимое сокращение или потеря иностранных инвестиций, замедление или отказ от реализации новых проектов и модернизации существующих производств вследствие сворачивания деятельности или полного ухода из России отдельных зарубежных компаний, имеющие ярко выраженную пространственную специфику. Самые большие потери понесли регионы, наиболее глубоко интегрированные в глобальные производственные цепочки и традиционно привлекательные для западного капитала: Центральная Россия (особенно Калужская и Московская области), Поволжье, Северо-Запад (Ленинградская область) и Урал, где доля компаний из недружественных стран превышала 20 % рынка (Земцов, 2024). Одновременно наблюдается пространственная переориентация инвестиционных потоков: формируются новые полюса роста на востоке страны, связанные с азиатскими партнерами. Красноярский край, например, демонстрирует заметную инвестиционную активность, формируя восточный полюс роста и оказывая позитивное влияние на соседние регионы (Республики Саха (Якутия), Тыва, Иркутская область) (Зубаревич, 2025).

2. Санкционные ограничения доступа к современным технологиям и оборудованию усугубили межрегиональные диспропорции. Регионы с развитой научно-производственной базой (Московская область, Санкт-Петербург, Татарстан, Новосибирская область) получили преимущество в процессах импортозамещения, тогда как северо-западные регионы, традиционно связанные с европейскими партнерами, испытали наибольшие технологические риски. Это формирует двухуровневую пространственную структуру с растущим разрывом между технологическими лидерами и периферией.

3. Санкции заметно усложнили сбыт сырьевых товаров, производимых региональными предприятиями, что приводит к снижению конкурентоспособности их продукции на глобальной арене и создает дополнительные стрессы для региональных экономик, зависящих от экспорта; существенно затруднили импортные поставки сырья и сельскохозяйственной техники, что неизбежно сказывается на производственных процессах в аграрном секторе ориентированных на его развитие регионов, а необходимость адаптации к новым условиям экстраполируется на стратегические планы организаций, заставляя их сворачивать инвестиционную деятельность, отказываясь от новых проектов¹² или сокращая производственные мощности¹³. В таких условиях регионы

¹² Правительство ждет сокращения производства сельхозпродукции в 2024 году на 3 %. (2024, 30 сентября). Интерфакс. <https://www.interfax.ru/business/984435>

¹³ Минэк спрогнозировал торможение роста в обрабатывающих отраслях. Какие основные факторы приведут к сокращению темпов. (2024, 16 сентября). РБК. <https://www.rbc.ru/economics/16/09/2024/66e406be9a7947a2875d0c3b>

стремятся фокусироваться на тех секторах, где они имеют конкурентные преимущества или стратегическую значимость. Например, в условиях сокращения импорта строительных материалов Республика Татарстан¹⁴ и Челябинская область¹⁵ заметно увеличили объемы производства местных стройматериалов (цемента), чтобы снизить зависимость от внешних поставок. В 2023 г. рост производства лекарственных средств составил более 25 % в Московской области и Санкт-Петербурге (Малкина, Балакин, 2024), что связано с тем, что российские фармацевтические компании начали активно развивать собственное производство в ответ на санкции. В пространственном отношении это приводит к более специализированному развитию региональных экономик, где некоторые регионы становятся центрами производства определенных товаров или услуг, а другие – центрами потребления (Идзиев, 2013; Литвиненко, 2016).

4. Исходя из вышесказанного, очередным проявлением деглобализации в региональном развитии является то, что в условиях ограниченно открытой экономики региональные системы получают стимул для развития внутренних рынков и реализации программ импортозамещения. И если на национальном уровне такой подход может сопровождаться усилением протекционистских мер и ограничением внешней конкуренции, то на уровне регионов импортозамещение в первую очередь связано с диверсификацией экономической базы и адаптацией к внутреннему спросу. Однако потенциал для этого крайне неравномерно распределен по территории России. Наблюдается выраженная пространственная концентрация инновационной деятельности в регионах с исторически сложившейся мощной научно-образовательной инфраструктурой и производственной базой (Малкина, Балакин, 2024; Гудкова, 2024). Формируются региональные инновационные экосистемы: например, в 2024 г. в Республике Татарстане вырос ИТ-сектор: появилось 55 новых ИТ-компаний, что увеличило их общее количество до 3403¹⁶. Импульсом роста стала активная поддержка стартапов со стороны региональных органов власти: так, ИТ-парк Казани в 2025 г. насчитывает более 500 резидентов, среди которых 60 компаний-стартапов¹⁷.

5. В ответ на вызовы происходит активное развитие межрегиональных кластеров, объединяющих территории с комплементарными ресурсами (например, промышленные цепочки между Челябинской и Калужской областями в промышленной автоматизации и роботизации, между Кировской и Омской областями – в сферах оборонно-промышленного комплекса и химической промышленности¹⁸). Параллельно активизируется международная интеграция в рамках ЕАЭС и с дружественными странами, где российские регионы занимают специализированные ниши в формирующихся альтернативных глобальных цепочках.

6. Ярким проявлением адаптации стало формирование специализированных производственных кластеров, ориентированных на конкретные рынки: Калининградская область – как транзитно-логистический хаб, дальневосточные регионы – как экспортно ориентированные кластеры по поставкам в страны АСЕАН, Татарстан и Новосибирская область – как центры ИТ-разработок.

7. Усиливается роль региональных институтов и органов регулирования, которые могут влиять на формирование экономической политики, поддерживать развитие приоритетных отраслей и защищать интересы регионального бизнеса. Например, в регионах-лидерах (Татарстан, Новосибирская область) создаются целевые

¹⁴ Казань в «цементной блокаде»: вагоны со «строительным хлебом» идут по два месяца. (2024, 19 марта). Бизнес Online. <https://www.business-gazeta.ru/article/626660>; Динамика промышленного производства в Республике Татарстан в октябре 2024 года (2024). Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. <https://16.rosstat.gov.ru/news/document/249683>

¹⁵ За пять месяцев 2024 года объем производства цемента в России по сравнению с прошлым годом увеличился на 7,6 % – до 23,3 млн тонн. (2024, 15 июля). Единый ресурс застройщиков. <https://erzrf.ru/news/za-pyat-mesyatsev-2024-goda-obyem-proizvodstva-tsementa-v-rossii-po-sravneniyu-s-proshlym-godom-uvelichilsya-na-76--do-233-mln-tonn?search=6&tag=Росстат>

¹⁶ В Татарстане растёт число ИТ-компаний и занятых в ИТ ИП. (2025, 1 января). Татар-информ. <https://www.tatar-inform.ru/news/v-tatarstane-rastet-cislo-it-kompanii-i-zanyatyx-v-it-ip-5969402>

¹⁷ «Верьте в свои идеи и ищите партнеров»: чем занимаются ИТ-стартапы в Казани. (2024, 20 ноября). Kazanfirst. <https://kazanfirst.ru/articles/verte-v-svoi-idei-i-ishhite-partnerov-puti-stanovleniya-it-kompanij-v-kazani>

¹⁸ Два промышленных гиганта объединяют силы: Челябинская и Калужская области запускают совместный проект по роботизации заводов. (2025, 7 июля). Комсомольская правда. <https://www.chel.kp.ru/online/news/6459083/>; Кировская и Омская области объединяют усилия в машиностроении и химии. (2025, 7 июля). <https://bnkirov.ru/news/ekonomika/kirovskaya-i-omskaya-oblasti-obedinyayut-usiliya-v-mashinostroyenii-i-khimii/>

режимы поддержки приоритетных отраслей: налоговые льготы для ИТ-компаний и субсидии на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы¹⁹.

Формирующиеся в контексте ограниченно открытой экономики диспропорции между регионами, ставшие следствием их неодинаковой способности адаптироваться к санкциям, использовать альтернативные рынки и развивать внутреннюю устойчивость, подчеркивают острую потребность в концептуальной рамке, адекватной новым реалиям.

Модель глобальной конкурентоспособности региона в условиях ограниченно открытой экономики: новые детерминанты и приоритеты

Проведенное выше переосмысление существующих теоретических концепций и анализ сущностных характеристик ограниченно открытой экономики позволяют переопределить глобальную конкурентоспособность региона как его способность обеспечивать устойчивое экономическое развитие и повышение благосостояния в условиях фрагментации глобального пространства, достигаемую через стратегическое использование территориального капитала и проявляющуюся в трех ключевых аспектах:

1) *диверсификация внешнеэкономических связей и освоение новых рынков, избирательная кооперация*, достигаемые способностью региона эффективно формировать географически диверсифицированные (с ростом доли стран БРИКС+, ЕАЭС и «дружественных» стран в региональном внешнеторговом товарообороте) и товарно сбалансированные (с ростом доли несырьевого неэнергетического экспорта и продукции глубокой переработки) экспортные потоки, обеспечивающие стабильность или рост объемов поставок даже в условиях внешних шоков (санкции, логистические разрывы);

2) *снижение критической импортозависимости и развитие технологического потенциала*, достигаемые способностью региона формировать и развивать локализованную/созданную производственную базу в приоритетных отраслях, обеспечивающую существенное замещение критического импорта, а также ростом инновационной активности и созданием собственных технологических решений;

3) *развитие человеческого капитала как основы адаптивности и инноваций*, достигаемое способностью региона обеспечить наличие и рост доли квалифицированных кадров (с высшим и средним профессиональным образованием), способных решать задачи технологического развития, импортозамещения и освоения новых рынков, включая специалистов в науке, высокотехнологичных отраслях и сфере внешнеэкономической деятельности, что в итоге способствует повышению сложности структуры экономики региона и ее способности производить диверсифицированные и уникальные продукты.

Таким образом, конечной целью достижения глобальной конкурентоспособности региона в ограниченно открытой экономике является обеспечение устойчивого долгосрочного развития региона, проявляющегося в повышении уровня валового регионального продукта, реальных доходов населения и занятости, минимизации уязвимости к глобальным шокам, сохранении и усилении потенциала для будущего роста в условиях принципиально новой, характеризующейся избирательной открытостью и повышенными рисками глобальной среды.

Для обоснования концептуальной новизны предлагаемой теоретической модели и ее адекватности новым реалиям проанализируем, как ключевые аспекты понимания глобальной конкурентоспособности региона эволюционировали под влиянием вызовов ограниченной открытости (табл. 3). При этом если в условиях глобализации конкурентоспособность понималась как функция от степени интеграции в единое мировое пространство, то в реалиях ограниченно открытой экономики она становится функцией от качества управления противоречием между необходимостью кооперации и императивом суверенитета.

¹⁹ Итоги работы Министерства цифрового развития и связи Новосибирской области в 2024 году. (2025, 5 марта). <https://d-russia.ru/itogi-raboty-ministerstva-cifrovogo-razvitiya-i-svjazi-novosibirskoj-oblasti-v-2024-godu.html>; О внесении изменений в Порядок предоставления в 2024 году субсидий из бюджета Республики Татарстан на возмещение части затрат промышленных предприятий, связанных с приобретением нового оборудования, утвержденный постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 27.09.2023 № 1188 «Об утверждении Порядка предоставления в 2024 году субсидий из бюджета Республики Татарстан на возмещение части затрат промышленных предприятий, связанных с приобретением нового оборудования». (2024). Министерство промышленности и торговли Республики Татарстан. https://mpt.tatarstan.ru/kor/ae.htm?corrupt_id=417025

Таблица 3. Смена парадигмы в понимании глобальной конкурентоспособности региона при переходе от глобализации к ограниченно открытой экономике

Table 3. Paradigm shift in understanding the global competitiveness of a region in the transition from globalization to boundedly open economy

Аспект глобальной конкурентоспособности региона / Aspect of the global competitiveness of the region	Традиционный подход (в условиях глобализации) / Traditional approach (under globalization)	Современный подход (в условиях ограниченно открытой экономики) / Modern approach (under boundedly open economy)	Источник изменения – вызов ограниченно открытой экономики / Source of change – challenge of boundedly open economy
Ключевой драйвер / Key driver	Рост через максимизацию, глобальную интеграцию / Growth through maximization, global integration	Устойчивый рост экономики через баланс между избирательной кооперацией и внутренней устойчивостью / Sustainable economic growth through a balance between selective cooperation and internal sustainability	Санкции, риски разрыва цепочек, необходимость внутренней устойчивости / Sanctions, risks of breaking chains, the need for internal stability
Механизм интеграции / Integration mechanism	Универсальная интеграция в глобальные цепочки создания стоимости / Universal integration into global value chains	Стратегическая избирательность глобальных связей, определяемая экономической логикой и критериями безопасности / Strategic selectivity of global connections, determined by economic logic and security criteria	Фрагментация глобальных рынков за счет создания политизированных «анклавов», когда интеграция в одну сеть (например, западную) может блокировать доступ к другой (например, азиатской) / Fragmentation of global markets through the creation of politicized “enclaves”, when integration into one network (e.g., Western) may block access to another (e.g., Asian)
Ядро инновационности / Core of innovation	Доступ к глобальным знаниям, участие в глобальных инновационных системах / Access to global knowledge, participation in global innovation systems	Технологический суверенитет (регион/страна), импортонезависимость (регион), избирательное заимствование или кооперация в глобальных нишах / Technological sovereignty (region/country), import independence (region), selective borrowing or cooperation in global niches	Ограничение доступа к глобальным технологиям, императив развития собственных компетенций / Limited access to global technologies, imperative development of own competencies
Устойчивость / Resilience	Реактивная, глобально-зависимая / Reactive, globally dependent	Проактивная – антихрупкость через укрепление региональной самодостаточности / Proactive – antifragility through strengthening regional self-sufficiency	Хроническая нестабильность, повторяющиеся шоки, уязвимость глобально-зависимых моделей / Chronic instability, recurring shocks, vulnerability of globally dependent models
Роль институтов / Role of institutions	Создание общих условий для бизнеса, привлекательных для глобального капитала / Creating common business conditions attractive to global capital	Стратегическое планирование и распределение ресурсов в рамках содействия поддержки выхода приоритетных экспортеров на новые глобальные рынки, импортозамещения, развития внутреннего рынка / Strategic planning and allocation of resources to support the priority exporters entering new global markets, import substitution, and domestic market development	Необходимость быстрой перестройки внутренней экономики и внешних связей / Need to rapidly restructure the domestic economy and external relations
Пространство конкуренции / Competition environment	Глобальный рынок как основная арена / Global market as the main arena	Многоуровневая конкуренция – альтернативные глобальные блоки и межрегиональный рынок в пределах РФ, ЕАЭС / Multilevel competition – alternative global blocks and interregional market within the Russian Federation and the EAEU	Формирование экономических анклавов, регионализация / Forming economic enclaves, regionalization

Аспект глобальной конкурентоспособности региона / Aspect of the global competitiveness of the region	Традиционный подход (в условиях глобализации) / Traditional approach (under globalization)	Современный подход (в условиях ограниченной открытой экономики) / Modern approach (under boundedly open economy)	Источник изменения – вызов ограниченной открытой экономики / Source of change – challenge of boundedly open economy
Источники роста / Growth sources	Рост через расширение глобального экспорта и приток иностранных инвестиций / Growth through the expansion of global exports and influx of foreign investment	Сбалансированные источники роста: диверсификация глобального экспорта (новые рынки), активизация внутреннего спроса и инвестиций, развитие межрегиональных цепочек / Balanced growth sources: diversification of global exports (new markets), increased domestic demand and investment, development of inter-regional chains	Санкционные ограничения на экспорт и инвестиции, императив развития внутреннего потенциала / Sanctions restrictions on exports and investments, imperative development of domestic potential
Конечная цель / Ultimate goal	Повышение видимости и узнаваемости на глобальном уровне, рост ВРП за счет глобальной интеграции / Increased visibility and recognition at the global level, GRP growth due to global integration	Долгосрочный рост ВРП и благосостояния через сбалансированное использование внутренних ресурсов и избирательных глобальных возможностей / Long-term GRP and welfare growth through balanced use of domestic resources and selective global opportunities	Приоритет национальной/ региональной безопасности и социальной стабильности в условиях турбулентности / Priority of national/ regional security and social stability under turbulence

Следовательно, новизна предлагаемой концепции заключается не в констатации необходимости диверсификации или импортозамещения как таковых, а в системном переосмыслении самой цели и механизмов глобальной конкурентоспособности. Она перестает быть «гонкой за интеграцией», а становится стратегией управления уязвимостями. Замена западного партнера на азиатского без изменения глубины зависимости в рамках нашей модели не считается повышением конкурентоспособности, а рассматривается как воспроизводство риска. Истинное повышение конкурентоспособности происходит только тогда, когда внешняя кооперация, будучи избирательной, целенаправленно снижает критическую зависимость и наращивает внутренний технологический потенциал региона. Именно эта взаимосвязь и составляет ядро новой теоретической рамки, необходимой для осмысления действий регионов в условиях ограниченной открытой экономики.

Таким образом, полярность «опора на региональный потенциал – глобальная избирательность» является системообразующим принципом глобальной конкурентоспособности региона в условиях ограниченной открытой экономики. Предложенное нами определение и теоретическая модель (рис. 2), интегрирующие диверсификацию экспорта (внешнее направление), снижение критической импортозависимости (внутреннее направление) и формирование адаптивного человеческого капитала (базовое для обоих), непосредственно отражают этот баланс. Фундаментальный парадигмальный сдвиг заключается именно в признании неразрывной связи между укреплением внутренней устойчивости, технологического суверенитета и развития внутреннего/межрегионального рынка, с одной стороны, и стратегически избирательным, диверсифицированным участием в фрагментированном глобальном пространстве – с другой.

В основе модели лежит динамическое ядро региональной системы, формируемое взаимодействием пяти ключевых компонентов: ресурсной базы (*территориальный капитал*), способности к стратегической диверсификации внешних связей (*внешний вектор*), способности к снижению критических зависимостей (*внутренний вектор*), адаптивного человеческого капитала как движущей силы и *эффективного регионального управления* как катализатора синергии между ними. Эта внутренняя структура функционирует в специфической внешней среде ограниченной открытой экономики, концептуализированной в национальном контуре (задающем для регионов правила игры через политику, институты и интеграцию в рамках «дружественных» блоков) и глобальном контуре (выступающем источником вызовов, таких как санкции и фрагментация, и возможностей, таких как альтернативные рынки).

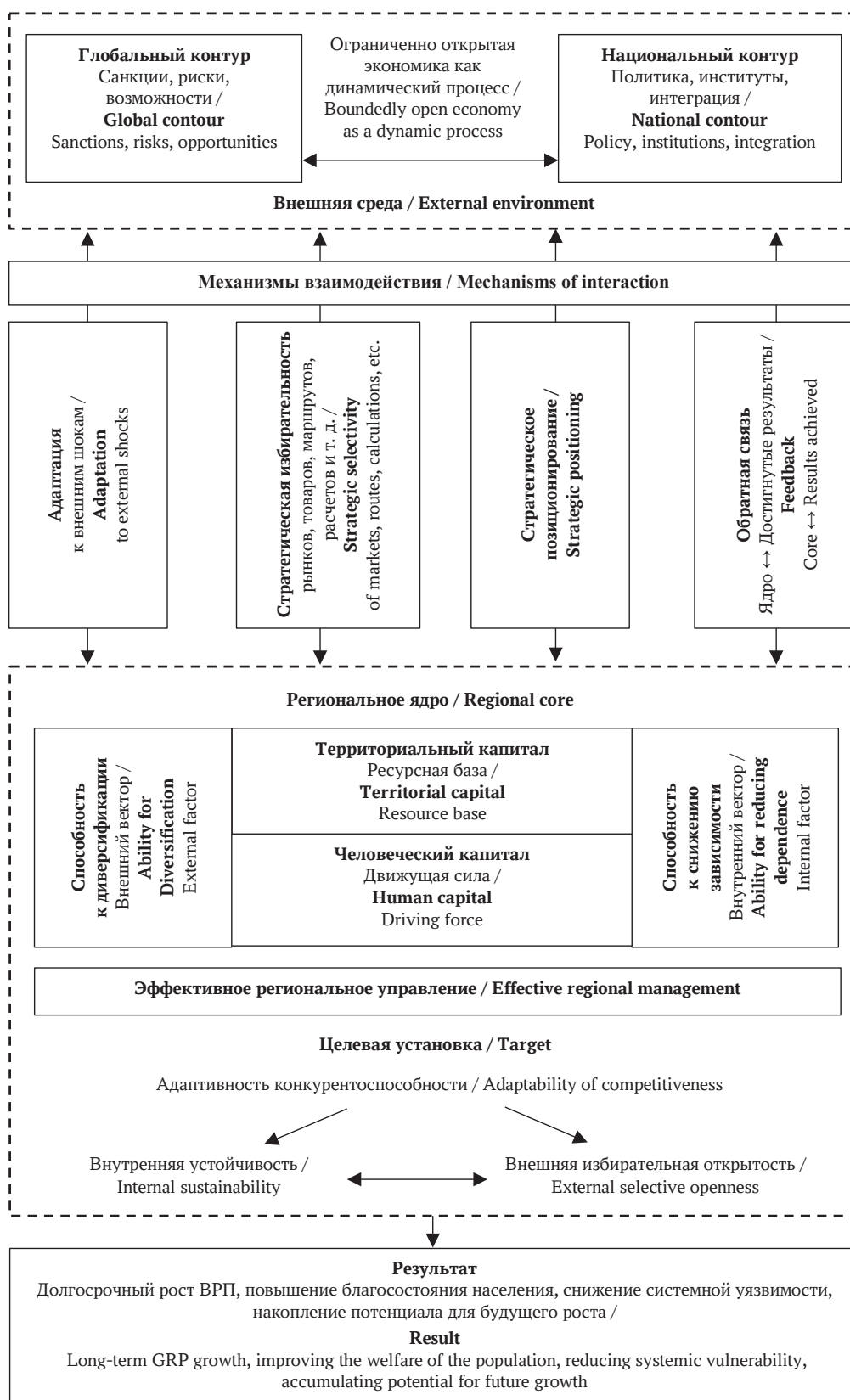

Рисунок 2. Теоретическая модель глобальной конкурентоспособности региона в ограниченно открытой экономике

Figure 2. Theoretical model of the global competitiveness of a region in boundedly open economy

При этом сам режим ограниченно открытой экономики выступает системообразующей «архитектурой», модеризирующей все взаимодействия между регионом и внешней средой через механизмы – адаптацию к шокам, стратегическую избирательность партнеров и рынков, активное позиционирование и получение обратной связи. Эти механизмы не являются обособленными, а пронизывают работу всего регионального ядра, являясь способом его взаимодействия с контурами ограниченной открытости. Целью системы является достижение баланса между внутренней устойчивостью и внешней избирательной открытостью, что в конечном итоге проявляется в долгосрочном росте ВРП, повышении благосостояния населения, снижении системной уязвимости и накоплении потенциала для будущего развития.

Заключение

Проведенное исследование показало, что традиционные теории глобальной конкурентоспособности регионов, основанные на парадигме глобализации, утратили актуальность в условиях ограниченно открытой экономики. Сформировавшийся в XX в. теоретический консенсус, ставивший в центр внимания глобальную интеграцию и привлечение иностранных инвестиций, не соответствует новым реалиям санкционных ограничений и фрагментации мировых рынков.

В качестве основного результата работы была разработана новая концепция глобальной конкурентоспособности, основанная на балансе между внутренней устойчивостью и избирательной внешней кооперацией. Предложенная модель включает три ключевых компонента: диверсификацию внешнеэкономических связей, снижение критической импортозависимости и развитие адаптивного человеческого капитала.

Практическая ценность исследования заключается в создании основы для разработки конкретных инструментов региональной политики. Модель позволяет оценивать способность регионов адаптироваться к санкционным ограничениям, развивать импортозамещение и осваивать новые рынки.

Направления дальнейших исследований включают:

- разработку системы показателей для оценки конкурентоспособности регионов по предложенной модели;
- проведение сравнительного анализа адаптации российских регионов к условиям ограниченной открытости;
- оценку эффективности различных инструментов региональной политики в новых экономических условиях.

Реализация этих направлений позволит перейти от теоретической модели к практическим инструментам управления региональным развитием.

Список литературы

- Аманов, М. А. (2017). Модель индекса конкурентоспособности региона в глобальной экономике. *Научный альманах*, 6-1(32), 30–34. EDN: ZBLZJN
- Афанасьев, А. А. (2022a). Становление ограниченно открытой экономики суверенного типа в современной России: понятие, этапы, сущностные характеристики. *Экономические отношения*, 12(3), 345–366. EDN: PDDYOH. DOI: 10.18334/eo.12.3.115123
- Афанасьев, А. А. (2022b). *Формирование ограниченно открытой экономики суверенного типа в современной России*. Москва: Первое экономическое издательство. EDN: EVKQHH. DOI: 10.18334/9785912924415
- Афанасьев, М. Ю., Гусев, А. А. (2023). Об оценке экономической сложности регионов. *Цифровая экономика*, 1(22), 5–15. EDN: DTQQMW. DOI 10.34706/DE-2023-01-01
- Афанасьев, М. Ю., Гусев, А. А., Нанавян, А. М. (2023). Оценка профессиональной структуры занятого населения в российских регионах на основе концепции экономической сложности. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 16(6), 91–107. EDN: DAPQSE. DOI 10.15838/esc.2023.6.90.5
- Багайников, М. Л. (2016). Байкальский регион на геоэкономической карте России. *Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика*, 3, 85–93. EDN: XCEMZD
- Балханов, А. М. (2015). Повышение конкурентоспособности региона на основе эффективного распределения трудовых ресурсов. *Вестник Бурятского государственного университета*, 2S, 105–111. EDN: UXKWLN
- Баранский, Н. Н. (1927). *Экономическая география СССР: обзор по областям Госплана*. Москва; Ленинград: [б. и.].

- Бекетов, Н. В. (2008). Факторы инновационной конкурентоспособности развития российской экономики. *Маркетинг в России и за рубежом*, 1, 59–66. EDN: IJPVFB
- Болгова, Е. В., Болгов С. А., Курникова, М. В. (2024). Ограниченно открытая экономика: региональный аспект. *Региональная экономика: теория и практика*, 22(4), 629–654. EDN: IOEQNK. DOI: 10.24891/re.22.4.629
- Бусыгина, И. М., Филиппов М. Г. (2013). Конкурентоспособность российских регионов: хорошие институты или хорошая география? *Общественные науки и современность*, 6, 5–14. EDN: RRTAJH
- Важенин, С. Г., Важенина, И. С. (2012). Концептуальные основы конкурентного сосуществования территорий. *Журнал экономической теории*, 3, 96–105. EDN: PCOFIF
- Важенин, С. Г., Важенина, И. С. (2015). Жизнестойкость территорий в конкурентном экономическом пространстве. *Регион: Экономика и Социология*, 2(86), 175–199. EDN: TUGWPR. DOI: 10.15372/REG20150609
- Васин, А. С., Воропаева, Д. А. (2025). Методологические подходы к исследованию резiliентности региональной экономической системы как основа управления устойчивым развитием в современных реалиях. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*, 21(1), 69–83. EDN: NTYUES. DOI: 10.24891/ni.21.1.69
- Вебер, А. (1926). *Теория размещения промышленности*. Москва – Ленинград: Книга.
- Воронкова, О. Н. (2017). Процесс импортозамещения в контексте обеспечения стратегической конкурентоспособности региона в глобальной экономике. *Финансовые исследования*, 3(56), 123–131. EDN: YMQYYA
- Высоцкий, С. Ю. (2022). Экономическая резiliентность территорий: теоретическое обоснование и применение. *Финансы и бизнес*, 18(2), 3–21. EDN: NBWOXS.
- Гагарина, Г. Ю. (2012). Человеческий капитал и его роль в обеспечении конкурентоспособности российских регионов. *Региональная экономика: теория и практика*, 23, 9–14. EDN: OYQTFV
- Гагарина, Г. Ю., Чайникова, Л. Н. (2016). Реиндустриализация как направление повышения конкурентоспособности региона в современных условиях. *Актуальные проблемы экономики*, 175(1), 148–159. EDN: ZIGZKP
- Гамидуллаева, Л. А. (2024). Региональная экономическая устойчивость: библиометрический анализ исследований. *п-Есопоту*, 17(1), 70–87. EDN: LZRSSX. DOI: 10.18721/JE.17105
- Головихин, С. А., Валетов А. И. (2015). Конкурентоспособность российских регионов: рейтинговая оценка. *Фундаментальные исследования*, 3, 157–161. EDN: TNIQUX
- Головихин, С. А., Неживенко Е. А. (2015). Исследование конкурентоспособности уральских регионов. *Вестник Южно-Уральского профессионального института*, 2(17), 183–196. EDN: UGTUMR
- Головихин, С. А., Неживенко Е. А. (2016). Развитие теории конкурентоспособности региона. *Вестник Челябинского государственного университета*, 2(384), 45–54. EDN: WAQXMB.
- Головихин, С. А., Неживенко Е. А., Неживенко Г. В. (2019). Конкурентоспособность региона в глобальной экономике. *Вестник Челябинского государственного университета*, 9(431), 57–64. EDN: ETGMQQ. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10906
- Гранберг, А. Г. (1973). *Оптимизация территориальных пропорций народного хозяйства*. Москва: Экономика. EDN: KSSTWI
- Гранберг, А. Г. (2001). Стратегия территориально социально-экономического развития России: от идеи к реализации. *Вопросы экономики*, 9, 9–15. EDN: MZYTKH
- Гринчель, Б. М. (2013). Конкурентный потенциал и конкурентная привлекательность регионов. *Регион: экономика и социология*, 3(79), 96–110. EDN: QZRTWF
- Гудкова, О. Е. (2024). Влияние международных технологических санкций на инновационное развитие национальной экономики России. *Экономика, предпринимательство и право*, 14(5), 1753–1768. EDN: CGQNSD. DOI: 10.18334/errp.14.5.120948
- Дементьева, В. С. (2010). Кластерный подход к формированию конкурентоспособности региона в эпоху глобального кризиса (теоретический аспект). *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых*, 8-2, 90–96. EDN: SMNMSB
- Земцов, С. П. (2024). Санкционные риски и региональное развитие (на примере России). *Балтийский регион*, 16(1), 23–45. EDN: ZJSZOM. DOI: 10.5922/2079-8555-2024-1-2
- Зубаревич, Н. В. (2017). Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики. *Мир новой экономики*, 2, 46–57. EDN: YSPLCJ
- Зубаревич, Н. В. (2019). Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты. *Вопросы экономики*, 1, 135–145. EDN: YTNWNF. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-1-135-145
- Зубаревич, Н. В. (2022). Регионы России в новых экономических условиях. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 3(55), 226–234. EDN: EVVYVQ. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-15
- Зубаревич, Н. В. (2025). Влияние санкций на развитие регионов России в 2022–2024 годах. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 1(66), 274–281. EDN: SUZWOQ. DOI: 10.31737/22212264_2025_1_274-281
- Идзиев, Г. И. (2013). Повышение конкурентоспособности промышленности региона. *Вопросы структуризации экономики*, 2, 62–63. EDN: RXNUND
- Ищенко-Падукова, О. А., Мовчан, И. В. (2019). Методологические основы построения геоэкономической стратегии регионального развития. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*, 3, 97–101. EDN: OIFQWD. DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-3-97-101

- Калужнова, Н. Я. (2011). Институты регионального развития и конкурентоспособности в условиях модернизации. *Экономика региона*, 2(26), 57–64. EDN: NUQZKZ
- Калужнова, Н. Я. (2014). Экономика недоверия (институт доверия и его роль в конкурентоспособности регионов). *Экономика региона*, 1(37), 56–65. EDN: RWUQJ. DOI: 10.17059/2014-1-4
- Коваленко, Н. В. Оникійчук, Ю. А. (2022). Комплексная оценка эффективности управления конкурентоспособностью региона. *ЦИТИСЭ*, 2(32), 111–126. EDN: TMFMNM. DOI: 10.15350/2409-7616.2022.2.10
- Коваленко, Н. В., Оникійчук Ю. А. (2023). Основные направления совершенствования организационно-экономических инструментов стратегического управления конкурентоспособностью региона. *Экономический вестник Донбасского государственного технического университета*, 17, 17–24. EDN: JWEGOP
- Коломак, Е. А. (2019). Пространственное развитие России в XXI в. *Пространственная экономика*, 15(4), 85–106. EDN: WFGVX. DOI: 10.14530/se.2019.4.085-106
- Коломиец, Т. И. (1999). К концепции регионального развития в переходных условиях. *Вестник Томского государственного университета*, 267, 66–71. EDN: UHJESB
- Колосовский, Н. Н. (1959). Вопросы экономического районирования СССР. *Вопросы географии*, 47, 6–14. EDN: ZDRONR
- Колосовский, Н. Н. (1968). Основные положения нового экономического районирования СССР. *Вопросы географии*, 75, 5–18. EDN: ZDRWGL
- Колосовский, Н. Н. (1970). Теоретические проблемы экономического районирования СССР (краткая схема изложения). *Вопросы географии*, 80, 18–32. EDN: ZDWTTB
- Котов, А. В. (2023). Стратегия импортозамещения в экспортоориентированном регионе России. *Российский внешнеэкономический вестник*, 1, 64–73. EDN: XDSBFO. DOI: 10.24412/2072-8042-2023-1-64-73
- Кудров, А. В. (2023). Экономическая сложность и ее влияние на валовый региональный продукт: регионы России. *Анализ и моделирование экономических и социальных процессов: Математика. Компьютер. Образование*, 30, 45–59. EDN: TTRLXB. DOI 10.20537/mce2023econ04
- Кузнецова, О. В. (2013). Пирамида факторов социально-экономического развития регионов. *Вопросы экономики*, 2, 121–131. EDN: PVDKRN. DOI: 10.32609/0042-8736-2013-2-121-131
- Курникова, М. В. (2024). Развитие глобальной конкурентоспособности российских регионов: концепция и конфигурация «умного» сопряжения. *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*, 15(3), 471–484. EDN: TNSISV. DOI: 10.18184/2079-4665.2024.15.3.471-484
- Куц, В. И. (2009). Конкурентные позиции регионов в системе факторов глобальной конкурентоспособности российской экономики. *Сегодня и завтра российской экономики*, 25, 143–146. EDN: THJXGZ
- Ларионова, Н. А. (2007). Кластерный подход в управлении конкурентоспособностью региона. *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, 5(1-2), 180–183. EDN: PVNEZH
- Левин, С. Н., Каган Е. С., Саблин К. С. (2015). Регионы «ресурсного типа» в современной российской экономике. *Журнал институциональных исследований*, 7(3), 92–101. EDN: UOSIOZ. DOI: 10.17835/2076-6297.2015.7.3.092-101
- Лёш, А. (2007). *Пространственная организация хозяйства*. Москва: Наука. EDN: QSGGJJ
- Литвиненко, И. Л. (2016). Развитие региональной экономики в условиях трансформации глобальной и национальной экономик. *Человек. Общество. Инклюзия*, 3-2(27), 79–92. EDN: WYQLFV
- Малкина, М. Ю., Балакин Р. В. (2024). Тенденции развития российской экономики в период новых антироссийских санкций. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(2), 287–313. EDN: UOTQRV. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.2.287-313
- Минакир, П. А. (2011). Мифы и реальности пространственных экономических диспропорций. *Федерализм*, 1(61), 43–56. EDN: NEBUUL
- Минакир, П. А. (2019). Российское экономическое пространство: стратегические тупики. *Экономика региона*, 15(4), 967–980. EDN: YPKOUK. DOI: 10.17059/2019-4-1
- Михайлов, Ю. И., Стрябкова Е. А. (2009). Кластерная политика как один из механизмов повышения конкурентоспособности страны и региона в глобальной экономике. *Вестник ИНЖЭКОНа. Серия: Экономика*, 1(28), 31–38. EDN: KTXHPZ
- Нуреев, Р. (2000). Теории развития: новые модели экономического роста (вклад человеческого капитала). *Вопросы экономики*, 9, 126–145. EDN: WKNMBR
- Нуреев, Р. М. (2009). Человеческий капитал и его развитие в современной России. *Общественные науки и современность*, 4, 5–21. EDN: KNHDZB
- Понкратова, Е. С. (2012). О сущности и содержании конкурентоспособности внутристрановых регионов в глобальном экономическом пространстве. *Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)*, 1(37), 110–116. EDN: OXRHXF
- Рикардо, Д. (2025). *Начала политической экономии и податного обложения*. Москва: Юрайт.
- Сафиуллин, М. Р., Гатауллина, А. А., Ельшин, Л. А. (2023). Направления импортозамещения региона в условиях санкционного давления: пример Республики Татарстан. *Управленец*, 14(5), 59–82. EDN: MVHOSL. DOI: 10.29141/2218-5003-2023-14-5-5
- Смит, А. (1935). *Исследование о природе и причинах богатства народов*. Москва: Государственное социально-экономическое изд-во.

- Стыров, М., Носов Л. (2021). Конкурентоспособность промышленности северных регионов России: от прибыли к человеку. *Общество и экономика*, 9, 73–90. EDN: LYGFDS. DOI: 10.31857/S020736760016811-1
- Татаркин, А. И. (2006). Формирование конкурентных преимуществ регионов. *Регион: экономика и социология*, 1, 141–154. EDN: JJSSVJ
- Татаркин, А. И. (2012). Формирование региональных институтов пространственного развития Российской Федерации. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 6(24), 42–59. EDN: PMXCTN
- Татаркин, А. И. (2013). Конкурентное позиционирование регионов и территорий в пространственном развитии России. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 8(157), 148–158. EDN: RCOWNL
- Тюнел, И. (1926). *Изолированное государство*. Москва: Экономическая жизнь.
- Унтура, Г. А. (2019). Оценка влияния человеческого капитала на экономический рост российских регионов в условиях финансовых ограничений. *Пространственная экономика*, 15(1), 107–131. EDN: YZQXEL. DOI: 10.14530/se.2019.1.107-131
- Филобокова, Л. Ю. (2014). Высокий уровень конкурентоспособности региональной экономики – глобальный, геополитический и стратегический вектор развития. *Государственный советник*, 1(5), 90–98. EDN: RZDIXX
- Фролова, Е. Д. (2009). Конкурентоспособность региона в глобальной экономике: геоэкономический подход. *Современная конкуренция*, 4(16), 75–84. EDN: KYYVFP
- Харитонов, Е. Л. (2008). Экономически развитое муниципальное образование как путь повышения международной конкурентоспособности региона и страны в условиях глобальной экономики. *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки*, 4, 53–56. EDN: KXZETD
- Хмелева, Г. А., Курникова, М. В., Гришанин, М. В. (2023). Повышение конкурентоспособности и устойчивости развития приграничного региона. *Вестник евразийской науки*, 15(2). EDN: OTQXFV. DOI: 10.15862/81ECVN223
- Хмелева, Г. А., Скреблов, Н. И. (2024а). Методический подход к оценке конкурентоспособности обрабатывающего сектора региона. *π-Εσoπoтy*, 17(6), 94–110. EDN: CQIBIL. DOI: 10.18721/JE.17606
- Хмелева, Г. А., Скреблов, Н. И. (2024b). Транспортная инфраструктура в обеспечении развития регионов и глобальной конкурентоспособности Китая. *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*, 15(2), 331–348. EDN: ZSLXHM. DOI: 10.18184/2079-4665.2024.15.2.331-348
- Хмелева, Г. А., Скреблов, Н. И. (2025). Пространственные особенности обеспеченности транспортной инфраструктурой в контексте глобальной конкурентоспособности российских регионов. *Вестник Самарского государственного экономического университета*, 3(245), 121–137. EDN: EZIBLE
- Хмелева, Г. А., Чиркунова, Е. К., Гусева, М. С., Хилов Д. В. (2024). Потенциал торгово-экономического сотрудничества Бразилии и Самарской области на основе сопряжения экспорта и импорта. *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*, 15(4), 677–696. EDN: ZLSTDQ. DOI: 10.18184/2079-4665.2024.15.4.677-696
- Хуснутдинов, А. Н., Ахметгареева А. А. (2024). Роль участия регионов в международной конкуренции. *Экономика и управление: проблемы, решения*, 5-8(147), 67–76. EDN: UKRVME. DOI: 10.36871/ek.ur.p.r.2024.08.05.008
- Чайникова, Л. Н. (2009). Разработка концептуальной модели системы обеспечения стратегической конкурентоспособности региона. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 6(74), 91–94. EDN: KZSRSV
- Чайникова, Л. Н. (2012). Конкурентная среда как элемент системы управления конкурентоспособностью регион. *Управленческие науки*, 4, 60–65. EDN: TPCYPJ
- Шнипер, Р. И., Маршалова, А. С., Лысенко, В. Л., Унтура, Г. А., Новоселов, А. С., Гузнер, С. С., Бандман, М. К., Ларина, Н. И., Кисельников А. А., Любовный, В. Я., Зайченко, Н. П., Садков, В. Г., Рохчин, В. Е., Коломийченко, О. В. (1989). *Методологические положения подготовки региональных программ различного уровня*. Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН. EDN: RWONIF
- Шубин, И. А. (2021). Взаимосвязь между сложностью экспорта и уровнем экономического развития в разных типах регионов России. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 3(51), 144–161. EDN: GMPPPN. DOI 10.31737/2221-2264-2021-51-3-7
- Asheim, B. T., Grillitsch, M., & Trippl, M. (2016). Regional innovation systems: Past-present-future. *Handbook on the Geographies of Innovation*, 45–62.
- Asheim, B. T., Smith, H. L., & Oughton, C. (2011). Regional innovation systems: Theory, empirics and policy. *Regional Studies*, 45(7), 875–891. <https://doi.org/10.1080/00343404.2011.596701>
- Asheim, B., Coenen, L., & Moss, H. J. (2006). The role of regional innovation systems in a globalizing economy. *The changing economic geography of globalization*, 139.
- Balland, P., Broekel, T., Diodato, D., Giuliani, E., Hausmann, R., O'Clery, N., & Rigby, D. (2022). The new paradigm of economic complexity. *Research Policy*, 51(3). EDN: CPKEMV. DOI: 10.1016/j.respol.2021.104450
- Beltran, L., Delgado, M., Campoy-Muñoz, P., & Rodero-Cosano, M. (2024). Competitiveness in Structurally Similar Regions: Why do they Perform Differently? *Journal of the Knowledge Economy*, 16, 1183–1203. EDN: EKRUSX. DOI: 10.1007/s13132-024-01855-7
- Berger, T., & Bristow, G. (2008, May 27–29). *Benchmarking regional performance: a critical reflection on indices of competitiveness* [Paper presentation]. Regional Studies Association Annual Conference: Regions: The Dilemmas of Integration and Competition, University of Economics Prague, Czech Republic.

- Bocci, L., D'Urso, P., Vicari, D., & Vitale, V. (2022). A Regression Tree-Based Analysis of the European Regional Competitiveness. *Social Indicators Research*, 173, 137–167. EDN: QXOUEY. DOI: 10.1007/s11205-021-02869-3
- Borseková, K., Koróny, S., & Lawson, C. (2024). In search of key performance indicators of regional competitiveness in the European Union. *Journal of Regional Science*, 64(3), 961–986. EDN: ZJLVHX. DOI: 10.1111/jors.12692
- Boschma, R., & Frenken, K. (2009). Some Notes on Institutions in Evolutionary Economic Geography. *Economic Geography*, 85, 151–158. <https://doi.org/10.1111/j.1944-8287.2009.01018.x>
- Boschma, R., & Martin, R. (2010). The aims and scope of evolutionary economic geography. *The handbook of evolutionary economic geography*, 1430, 3–39.
- Boschma, R., Coenen, L., Frenken, K., & Truffer, B. (2017). Towards a theory of regional diversification: combining insights from Evolutionary Economic Geography and Transition Studies. *Regional Studies*, 51, 31–45. <https://doi.org/10.1080/00343404.2016.1258460>
- Boudeville, J. R. (1963). Croissance régionale et localization. *Revue d'économie politique*, 73(1), 113–124.
- Christaller, W. (1933). *Die zentralen Orte in Süddeutschland*. Jena: Gustav Fischer.
- Cooke, P. (2018). Evolutionary complexity geography and the future of regional innovation and growth policies. *Resilience and Regional Dynamics: An International Approach to a New Research Agenda*, 11–30.
- Fang, T., Lin, S., Lo, H., & Wu, C. (2022). Southeast Asian nations' regional competitiveness: An exploration through grey relational analysis. *Technological and Economic Development of Economy*, 28(5). <https://doi.org/10.3846/tede.2022.17033>
- Foray, D. (2014). *Smart specialisation: Opportunities and challenges for regional innovation policy*. Routledge.
- Gereffi, G., Humphrey, J., & Sturgeon, T. (2005). The governance of global value chains. *Review of international political economy*, 12(1), 78–104.
- Heckscher, E. (1919). The Effect of Foreign Trade on the Distribution of Income. *Ekonomisk Tidskrift*, 21, 497–512.
- Hidalgo, C. (2021). Economic complexity theory and applications. *Nature Reviews Physics*, 3, 92–113. <https://doi.org/10.1038/s42254-020-00275-1>
- Hidalgo, C. A., & Hausmann, R. (2009). The building blocks of economic complexity. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 106(26), 10570–10575. EDN: FLSLSH. DOI: 10.1038/s42254-020-00275-1
- Huggins, R., Izushi, H., Prokop, D., & Thompson, P. (2014). *The global competitiveness of regions*. Abingdon: Routledge. EDN: WQBGMR. DOI: 10.4324/9780203799130
- Kosfeld, R., & Mitze, T. (2023). Research and development intensive clusters and regional competitiveness. *Growth and Change*, 54(4), 885–911. EDN: YOUPYX. DOI: 10.1111/grow.12676
- Kouskoura, A., Kalliontzi, E., Skalkos, D., & Bakouros, I. (2024a). Assessing the Key Factors Measuring Regional Competitiveness. *Sustainability*, 16(6), 2574. EDN: ZFXVMV. DOI: 10.3390/su16062574
- Kouskoura, A., Kalliontzi, E., Skalkos, D., & Bakouros, I. (2024b). Evaluating Experts' Perceptions on Regional Competitiveness Based on the Ten Key Factors of Assessment. *Sustainability*, 16(14), 5944. EDN: QGOAAJ. DOI: 10.3390/su16145944
- Kresl, P. K., & Singh, B. (1999). Competitiveness and the Urban Economy: Twenty-four Large US Metropolitan Areas. *Urban Studies*, 36(5), 1017–1027.
- Krugman, P. (1993). *Geography and Trade*. The MIT Press.
- Krugman, P. (1994). Competitiveness: A Dangerous Obsession. *Foreign Affairs*, 73, 28. EDN: BRORSH. DOI: 10.2307/20045917
- Launhardt, W. (1885). *Mathematische Begründung der Volkswirtschaftslehre*. Wien: Engelmann.
- Liao, L. (2025). Exploration of the spillover effects of cross-regional cooperation under the Belt and Road Initiative: A discussion based on the regulation of financial technology. *Finance Research Letters*, 79, 107330. EDN: QUNVHC. DOI: 10.1016/j.frl.2025.107330
- Magacho, G., Ribeiro, R., & Rocha, I. (2021). Economic complexity and price competitiveness dependence: empirical evidence using panel models. *International Journal of Development Issues*, 21(1), 142–158. EDN: OFFDJY. DOI: 10.1108/ijdi-07-2021-0141
- Martin, R., & Sunley, P. (2007). Complexity thinking and evolutionary economic geography. *Journal of economic geography*, 7(5), 573–601. EDN: ISSKKZ
- Mewes, L., & Broekel, T. (2022). Technological complexity and economic growth of regions. *Research Policy*, 51(8), 104156. EDN: PQGYEA. DOI: 10.1016/j.respol.2020.104156
- Myrdal, G. (1957). *Economic Theory and Underdeveloped Regions*. London: University Paperbacks, Methuen.
- Ohlin, B. (1952). *Interregional and International Trade*. Cambridge: Harvard University Press, 621 p.
- Olasehinde-Williams, G., & Oshodi, A. (2021). Can Africa raise export competitiveness through economic complexity? Evidence from (non)-parametric panel techniques. *African Development Review*, 33(3), 426–438. EDN: HOZLNB. DOI: 10.1111/1467-8268.12587
- Perroux, F. (1950). Economic Space Theory and Applications. *Quarterly Journal of Economics*, 64, 89–104.
- Porter, M. E. (1998). Clusters and the new economics of competition. *Harvard Business Review*, 76(6), 77–90. EDN: CWRIOL
- Porter, M. E. (2008). *On competition*. Harvard Business Press.
- Queiroz, A., Romero, J., & Freitas, E. (2024). Relatedness and regional economic complexity: Good news for some, bad news for others. *Economía*, 25(2), 264–288. EDN: BLIRKO. DOI: 10.1108/econ-11-2023-0185
- Sciarra, C., Chiarotti, G., Ridolfi, L., Laio, F. (2020). Reconciling contrasting views on economic complexity. *Nature Communications*, 11(1), 3352. EDN: AQMAUX. DOI: 10.1038/s41467-020-16992-1

References

- Afanasyev, M. Yu., & Gusev, A. A. (2023). About assessing the economic complexity of the regions. *Digital Economy*, 1(22), 5–15. (In Russ.). <https://doi.org/10.34706/DE-2023-01-01>
- Afanasyev, A. A. (2022). Limited open sovereign economy in modern Russia: concept, stages, characteristics. *Journal of International Economic Affairs*, 12(3), 345–366. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/eo.12.3.115123>
- Afanasyev, M. Yu., Gusev, A. A., & Nanavyan, A. M. (2023). Assessing the professional structure of the employed population in Russian regions on the basis of economic complexity concept. *Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz*, 16(6), 91–107. (In Russ.). <https://doi.org/10.15838/esc.2023.6.90.5>
- Afanasyev, A. A. (2022). *Formation of a limited open economy of a sovereign type in modern Russia*. Moscow: First Economic Publishing House. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/9785912924415>
- Amanov, M. A. (2017). The model index of the regional competitiveness in the global economy. *Nauchnyy almanakh*, 6-1(32). (In Russ.). 30–34.
- Asheim, B. T., Grillitsch, M., & Trippel, M. (2016). Regional innovation systems: Past–present–future. *Handbook on the Geographies of Innovation*, 45–62.
- Asheim, B. T., Smith, H. L., & Oughton, C. (2011). Regional innovation systems: Theory, empirics and policy. *Regional Studies*, 45(7), 875–891. <https://doi.org/10.1080/00343404.2011.596701>
- Asheim, B., Coenen, L., & Moss, H. J. (2006). The role of regional innovation systems in a globalizing economy. *The changing economic geography of globalization*, 139.
- Bagainikov, M. L. (2016). The Baikal region on the geoeconomic Russian map. *Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics*, 3, 85–93. (In Russ.).
- Balkhanov, A. M. (2015). Improvement of the region's competitiveness through efficient allocation of labor resources. *Vestnik Buryatskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2S, 105–111. (In Russ.).
- Balland, P., Broekel, T., Diodato, D., Giuliani, E., Hausmann, R., O'Clery, N., & Rigby, D. (2022). The new paradigm of economic complexity. *Research Policy*, 51(3). <https://doi.org/10.1016/j.respol.2021.104450>
- Baransky, N. N. (1927). *Economic geography of the USSR: an overview by the areas of the State Planning Committee*. Moscow; Leningrad. (In Russ.).
- Beketov, N. V. (2008). Factors of innovational competitiveness development of Russian economy. *Marketing v Rossii i za Rubezhom*, 1, 59–66. (In Russ.).
- Beltran, L., Delgado, M., Campoy-Muñoz, P., & Rodero-Cosano, M. (2024). Competitiveness in Structurally Similar Regions: Why do they Perform Differently? *Journal of the Knowledge Economy*, 16, 1183–1203. <https://doi.org/10.1007/s13132-024-01855-7>
- Berger, T., & Bristow, G. (2008, May 27–29). *Benchmarking regional performance: a critical reflection on indices of competitiveness* [Paper presentation]. Regional Studies Association Annual Conference: Regions: The Dilemmas of Integration and Competition, University of Economics Prague, Czech Republic.
- Bocci, L., D'Urso, P., Vicari, D., & Vitale, V. (2022). A Regression Tree-Based Analysis of the European Regional Competitiveness. *Social Indicators Research*, 173, 137–167. <https://doi.org/10.1007/s11205-021-02869-3>
- Bolgova, E. V., Bolgov, S. A., & Kurnikova, M. V. (2024). Boundedly open economy: a regional dimension. *Regional Economy: Theory and Practice*, 22(4), 629–654. (In Russ.). <https://doi.org/10.24891/re.22.4.629>
- Borseková, K., Koróny, S., & Lawson, C. (2024). In search of key performance indicators of regional competitiveness in the European Union. *Journal of Regional Science*, 64(3), 961–986. <https://doi.org/10.1111/jors.12692>
- Boschma, R., & Frenken, K. (2009). Some Notes on Institutions in Evolutionary Economic Geography. *Economic Geography*, 85, 151–158. <https://doi.org/10.1111/j.1944-8287.2009.01018.x>
- Boschma, R., & Martin, R. (2010). The aims and scope of evolutionary economic geography. *The handbook of evolutionary economic geography*, 1430, 3–39.
- Boschma, R., Coenen, L., Frenken, K., & Truffer, B. (2017). Towards a theory of regional diversification: combining insights from Evolutionary Economic Geography and Transition Studies. *Regional Studies*, 51, 31–45. <https://doi.org/10.1080/00343404.2016.1258460>
- Boudeville, J. R. (1963). Croissance régionale et localization. *Revue d'économie politique*, 73(1), 113–124. (In French).
- Busygina, I. M., & Filippov, M. G. (2013). The competitiveness of Russian regions: good institutions or good geography? *Social Sciences and Contemporary World*, 6, 5–14. (In Russ.).
- Chaikinova, L. N. (2009). Developing the conceptual model of maintenance system of the strategic competitiveness of the region. *Tambov University Review: Series Humanities*, 6(74), 91–94. (In Russ.).
- Chaikinova, L. N. (2012). Competitive environment as an element of the regional competitiveness management system. *Management Sciences*, 4, 60–65. (In Russ.).
- Christaller, W. (1933). *Die zentralen Orte in Süddeutschland*. Jena: Gustav Fischer. (In German).
- Cooke, P. (2018). Evolutionary complexity geography and the future of regional innovation and growth policies. *Resilience and Regional Dynamics: An International Approach to a New Research Agenda*, 11–30.
- Dementieva, V. S. (2010). Cluster approach to forming regional competitiveness under the global crisis (theoretical aspect).

- Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 9: Issledovaniya Molodykh Uchenykh*, 8-2, 90–96. (In Russ.)
- Fang, T., Lin, S., Lo, H., & Wu, C. (2022). Southeast Asian nations' regional competitiveness: An exploration through grey relational analysis. *Technological and Economic Development of Economy*, 28(5). <https://doi.org/10.3846/tede.2022.17033>
- Filobokova, L. Yu. (2014). A high level of competitiveness of the regional economy – global, geopolitical and strategic vector of development. *The State Counsellor*, 1(5), 90–98. (In Russ.).
- Foray, D. (2014). *Smart specialisation: Opportunities and challenges for regional innovation policy*. Routledge.
- Frolova, E. D. (2009). Region's competitive capacity in the global economy: geoeconomic approach. *Journal of Modern Competition*, 4(16), 75–84. (In Russ.).
- Gagarina, G. Yu. (2012). Human capital and its role in ensuring the competitiveness of Russian regions. *Regional Economy: Theory and Practice*, 23, 9–14.
- Gagarina, G. Yu., & Chaikinova, L. N. (2016). Reindustrialization as a way to increase the competitiveness of a region in modern conditions. *Current Problems of Economics*, 175(1), 148–159. (In Russ.).
- Gamidullaeva, L. A. (2024). Regional economic resilience: bibliometric analysis of the research. *π-Economy*, 17(1), 70–87. (In Russ.). <https://doi.org/10.18721/JE.17105>
- Gereffi, G., Humphrey, J., & Sturgeon, T. (2005). The governance of global value chains. *Review of International Political Economy*, 12(1), 78–104.
- Golovikhin, S. A., & Nezhivenko, E. A. (2015). Study on the competitiveness of the Ural regions. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo Professionalnogo Instituta*, 2(17), 183–196. (In Russ.).
- Golovikhin, S. A., & Nezhivenko, E. A. (2016). Development of the theory of competitiveness of region. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2(384), 45–54. (In Russ.).
- Golovikhin, S. A., & Valetov, A. I. (2015). Competitiveness of the Russian regions: rating. *Fundamentalnye Issledovaniya*, 3, 157–161. (In Russ.).
- Golovikhin, S. A., Nezhivenko, E. A., & Nezhivenko, G. V. (2019). Competitiveness of the region in the global economy. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 9(431), 57–64. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2019-10906>
- Granberg, A. G. (1973). *Optimizing the territorial proportions of the national economy*. Moscow: Ekonomika. (In Russ.).
- Granberg, A. G. (2001). Strategy for the Territorial Socio-Economic Development of Russia: From Idea to Implementation. *Voprosy Ekonomiki*, 9, 9–15. (In Russ.).
- Grinchel, B. M. (2013). Regional competitive potentials and competitive attractiveness. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya*, 3(79), 96–110. (In Russ.).
- Gudkova, O. E. (2024). The impact of international technological sanctions on the innovative development of the Russian national economy. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 14(5), 1753–1768. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/epp.14.5.120948>
- Heckscher, E. (1919). The Effect of Foreign Trade on the Distribution of Income. *Ekonomisk Tidskrift*, 21, 497–512.
- Hidalgo, C. (2021). Economic complexity theory and applications. *Nature Reviews Physics*, 3, 92–113. <https://doi.org/10.1038/s42254-020-00275-1>
- Hidalgo, C. A., & Hausmann, R. (2009). The building blocks of economic complexity. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 106(26), 10570–10575. <https://doi.org/10.1073/pnas.0900943106>
- Huggins, R., Izushi, H., Prokop, D., & Thompson, P. (2014). *The global competitiveness of regions*. Abingdon: Routledge.
- Idziev, G. I. (2013). Increasing the competitiveness of regional industry. *Voprosy Strukturizacii Ekonomiki*, 2, 62–63. (In Russ.).
- Ishchenko-Padukova, O. A., & Movchan, I. V. (2019). Methodological bases of building the geoeconomic strategy of regional development. *State And Municipal Management. Scholar Notes*, 3, 97–101. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2019-1-3-97-101>
- Kalyuzhnova, N. Ya. (2011). Institutes of regional development and competitiveness in the conditions of modernization. *Economy of Regions*, 2(26), 57–64. (In Russ.).
- Kalyuzhnova, N. Ya. (2014). Economy of distrust (the institute of trust and its role in the regional competitiveness). *Economy of Regions*, 1(37), 56–65. (In Russ.). <https://doi.org/10.17059/2014-1-4>
- Kharitonova, E. L. (2008). Economically developed municipality as a way to increase the international competitiveness of a region and a country in the global economy. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences*, 4, 53–56. (In Russ.).
- Khmeleva, G. A., & Skreblov, N. I. (2024a). Methodological approach to assessing the competitiveness of the region's manufacturing sector. *π-Economy*, 17(6), 94–110. (In Russ.). <https://doi.org/10.18721/JE.17606>
- Khmeleva, G. A., & Skreblov, N. I. (2024b). Transport infrastructure in ensuring regional development and China's global competitiveness. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*, 15(2), 331–348. (In Russ.). <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2024.15.2.331-348>
- Khmeleva, G. A., & Skreblov, N. I. (2025). Spatial characteristics of transportation infrastructure provision in the context of global competitiveness of Russian regions. *Vestnik of Samara State University of Economics*, 3(245), 121–137. (In Russ.).
- Khmeleva, G. A., Chirkunova, E. K., Guseva, M. S., & Khilov, D. V. (2024). The potential of trade and economic cooperation between Brazil and the Samara region based on the integration of exports and imports. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*, 15(4), 677–696. (In Russ.). <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2024.15.4.677-696>
- Khmeleva, G. A., Kurnikova, M. V., & Grishanin, M. V. (2023). Improving the competitiveness and sustainability of a border

region. *Vestnik Evrazijskoy Nauki*, 15(2). (In Russ.). <https://doi.org/10.15862/81ECVN223>

Khusnutdinov, A. N., & Akhmetgareeva, A. A. (2024). The role of regional participation in international competition. *Ekonomika i Upravlenie: Problemy, Resheniya*, 5-8(147), 67–76. (In Russ.). <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2024.08.05.008>

Kolomak, E. A. (2019). Spatial development of Russia in XXI century. *Spatial Economics*, 15(4), 85–106. (In Russ.). <https://doi.org/10.14530/se.2019.4.085-106>

Kolomiets, T. I. (1999). On the concept of regional development under the transitional conditions. *Tomsk State University Journal*, 267, 66–71. (In Russ.).

Kolosovsky, N. N. (1959). Problems of the Division of the USSR into economic regions. *Problems of Geography*, 47, 6–14. (In Russ.).

Kolosovsky, N. N. (1968). The basic propositions of the new economic regionalization of the USSR. *Problems of Geography*, 75, 5–18. (In Russ.).

Kolosovsky, N. N. (1970). Theoretical Problems of Economic Regionalization of the USSR (Brief Scheme of a Communication). *Problems of Geography*, 80, 18–32. (In Russ.).

Kosfeld, R., & Mitze, T. (2023). Research and development intensive clusters and regional competitiveness. *Growth and Change*, 54(4), 885–911. <https://doi.org/10.1111/grow.12676>

Kotov, A. V. (2023). Import substitution strategy in Russia's export-oriented region. *Russian Foreign Economic Journal*, 1, 64–73. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-1-64-73>

Kouskoura, A., Kalliontzi, E., Skalkos, D., & Bakouros, I. (2024a). Assessing the Key Factors Measuring Regional Competitiveness. *Sustainability*, 16(6), 2574. <https://doi.org/10.3390/su16062574>

Kouskoura, A., Kalliontzi, E., Skalkos, D., & Bakouros, I. (2024b). Evaluating Experts' Perceptions on Regional Competitiveness Based on the Ten Key Factors of Assessment. *Sustainability*, 16(14), 5944. <https://doi.org/10.3390/su16145944>

Kovalenko, N. V., & Onikiychuk, Yu. A. (2022). Comprehensive assessment of the efficiency of the management of the regional competitiveness. *CITISE*, 2(32), 111–126. (In Russ.). <https://doi.org/10.15350/2409-7616.2022.2.10>

Kovalenko, N. V., & Onikiychuk, Yu. A. (2023). The main strategies for improving organizational and economic instruments for strategic management of the regional competitiveness. *Economic Bulletin of Donbas State Technical University*, 17, 17–24. (In Russ.).

Kresl, P. K., & Singh, B. (1999). Competitiveness and the Urban Economy: Twenty-four Large US Metropolitan Areas. *Urban Studies*, 36(5), 1017–1027.

Krugman, P. (1993). First Nature, Second Nature, and Metropolitan Location. *Journal of Regional Science*, 33(2), 129–144.

Krugman, P. (1994). Competitiveness: A Dangerous Obsession. *Foreign Affairs*, 73, 28. <https://doi.org/10.2307/20045917>

Kudrov, A. V. (2023). Complexity and its impact on gross regional product: Russian regions. *Analiz i Modelirovanie Ekonomicheskikh i Socialnykh Protsessov: Matematika. Kompyuter. Obrazovanie*, 30, 45–59. (In Russ.). <https://doi.org/10.20537/mce2023econ04>

Kurnikova, M. V. (2024). Development of the global competitiveness of Russian regions: the concept and configuration of the “smart” complementarity. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*, 15(3), 471–484. (In Russ.). <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2024.15.3.471-484>

Kuts, V. I. (2009). Competitive positions of regions in the system of factors of global competitiveness of the Russian economy. *Segodnya i Zavtra Rossijskoj Ekonomiki*, 25, 143–146. (In Russ.).

Kuznetsova, O. V. (2013). Pyramid of factors of regional socio-economic development. *Voprosy Ekonomiki*, 2, 121–131. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-2-121-131>

Larionova, N. A. (2007). Cluster approach in managing regional competitiveness. *Economic Herald of Rostov State University*, 5(1-2), 180–183. (In Russ.).

Launhardt, W. (1885). *Mathematische Begründung der Volkswirtschaftslehre*. Wien: Engelmann. (In German).

Levin, S. N., Kagan, E. S., & Sablin, K. S. (2015). “Resource type” regions in the modern Russian economy. *Journal of Institutional Studies*, 7(3), 92–101. (In Russ.). <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2015.7.3.092-101>

Liao, L. (2025). Exploration of the spillover effects of cross-regional cooperation under the Belt and Road Initiative: A discussion based on the regulation of financial technology. *Finance Research Letters*, 79, 107330. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2025.107330>

Litvinenko, I. L. (2016). Development of the regional economy under the transformation of global and national economies. *Human. Society. Inclusion*, 3-2(27), 79–92. (In Russ.).

Lösch, A. (2007). *The Economics of Location*. Moscow: Nauka. (In Russ.).

Magacho, G., Ribeiro, R., & Rocha, I. (2021). Economic complexity and price competitiveness dependence: empirical evidence using panel models. *International Journal of Development Issues*, 21(1), 142–158. <https://doi.org/10.1108/ijdi-07-2021-0141>

Malkina, M. Yu., & Balakin R. V. (2024). Trends in the Russian economy development during the new anti-Russian sanctions. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(2), 287–313. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.287-313>

Martin, R., & Sunley, P. (2007). Complexity thinking and evolutionary economic geography. *Journal of Economic Geography*, 7(5), 573–601.

Mewes, L., & Broekel, T. (2022). Technological complexity and economic growth of regions. *Research Policy*, 51(8), 104156. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2020.104156>

Mikhailov, Yu. I., & Stryabkova, E. A. (2009). Cluster policy as a mechanism for enhancing the competitiveness of a country and region in the global economy. *Vestnik Inzhekon. Seriya: Ekonomika*, 1(28), 31–38. (In Russ.).

- Minakir, P. A. (2011). The myths and realities of spatial economic disproportions. *Federalism*, 1(61), 43–56. (In Russ.).
- Minakir, P. A. (2019). Russian economic space: strategic impasses. *Economy of Region*, 15(4), 967–980. (In Russ.). <https://doi.org/10.17059/2019-4-1>
- Myrdal, G. (1957). *Economic Theory and Underdeveloped Regions*. London: University Paperbacks, Methuen.
- Nureyev, R. (2000). Development theories: new models of economic growth (contribution of human capital). *Voprosy Ekonomiki*, 9, 126–145. (In Russ.).
- Nureyev, R. M. (2009). Human capital and its development in modern Russia. *Social Sciences and Contemporary World*, 4, 5–21. (In Russ.).
- Ohlin, B. (1952). *Interregional and International Trade*. Cambridge: Harvard University Press.
- Olasehinde-Williams, G., & Oshodi, A. (2021). Can Africa raise export competitiveness through economic complexity? Evidence from (non)-parametric panel techniques. *African Development Review*, 33(3), 426–438. <https://doi.org/10.1111/1467-8268.12587>
- Perroux, F. (1950). Economic Space Theory and Applications. *Quarterly Journal of Economics*, 64, 89–104.
- Ponkratova, E. S. (2012). On the essence and content of the competitiveness of domestic regions in the global economic space. *Vestnik Rostovskogo Gosudarstvennogo Ekonomicheskogo Universiteta (RINKh)*, 1(37), 110–116. (In Russ.).
- Porter, M. E. (1998). Clusters and the new economics of competition. *Harvard Business Review*, 76(6), 77–90.
- Porter, M. E. (2008). *On competition*. Harvard Business Press.
- Queiroz, A., Romero, J., & Freitas, E. (2024). Relatedness and regional economic complexity: Good news for some, bad news for others. *Economia*, 25(2), 264–288. <https://doi.org/10.1108/econ-11-2023-0185>
- Ricardo, D. (2025). *On the Principles of Political Economy and Taxation*. Moscow: Yurait Publishing House. (In Russ.).
- Safiullin, M. R., Gataullina, A. A., & Elshin, L. A. (2023). Regional import substitution policy amid economic sanctions: the case of the Republic of Tatarstan. *The Manager*, 14(5), 59–82. (In Russ.). <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2023-14-5-5>
- Sciarrà, C., Chiarotti, G., Ridolfi, L., & Laio, F. (2020). Reconciling contrasting views on economic complexity. *Nature Communications*, 11(1), 3352. <https://doi.org/10.1038/s41467-020-16992-1>
- Shniper, R. I., Marshalova, A. S., Lysenko, V. L., Untura, G. A., Novoselov, A. S., Guzner, S. S., Bandman, M. K., Larina, N. I., Kisel'nikov A. A., Lyubovny`j, V. Ya., Zajchenko, N. P., Sadkov, V. G., Rokhchin, V. E., & Kolomijchenko, O. V. (1989). *Methodological guidelines for drafting regional programs at various levels*. Novosibirsk: Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.).
- Shubin, I. A. (2021). Correlation between economic complexity and economic development in different types of Russian regions. *Journal of the New Economic Association*, 3(51), 144–161. (In Russ.). <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-51-3-7>
- Smith, A. (1935). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. Moscow: State Social-Economic Publishing House. (In Russ.).
- Styrov, M., & Nosov, L. (2021). The competitiveness of industry in the northern regions of Russia: from profits to people. *Society and Economy*, 9, 73–90. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S020736760016811-1>
- Tatarkin, A. I. (2006). The formation of regions' competitive advantages. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya*, 1, 141–154. (In Russ.).
- Tatarkin, A. I. (2012). Forming of the regional institutions of spatial development of the Russian Federation. *Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz*, 6(24), 42–59. (In Russ.).
- Tatarkin, A. I. (2013). Competitive regional and territories positioning in the spatial development of the Russian Federation. *Vestnik Orenburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 8(157), 148–158. (In Russ.).
- Thünen, J. H. von. (1926). *The isolated state*. Moscow: Economic Life. (In Russ.).
- Untura, G. A. (2019). Estimation of human capital influence on economic growth in Russian regions under conditions of financial shortage. *Spatial Economics*, 15(1), 107–131. (In Russ.). <https://doi.org/10.14530/se.2019.1.107-131>
- Vasin, A. S., & Voropaeva, D. A. (2025). Methodological approaches to exploring the resilience of the regional economic system as a basis for sustainable development management in modern realities. *National Interests: Priorities and Security*, 21(1), 69–83. (In Russ.). <https://doi.org/10.24891/ni.21.1.69>
- Vazhenin, S. G., & Vazhenina, I. S. (2012). Conceptual bases of competitive coexistence of territories. *Russian Journal of Economic Theory*, 3, 96–105. (In Russ.).
- Vazhenin, S. G., & Vazhenina, I. S. (2015). Resilience of territories in a competitive economic environment. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya*, 2(86), 175–199. (In Russ.). <https://doi.org/10.15372/REG20150609>
- Voronkova, O. N. (2017). Import substitution in the context of ensuring a region's strategic competitiveness in the global economy. *Financial Research*, 3(56), 123–131. (In Russ.).
- Vysotsky, S. Yu. (2022). Economic resistance of territories: theoretical rationale and application. *Finansy i Biznes*, 18(2), 3–21. (In Russ.).
- Weber, A. (1926). *Theory of the location of industries*. Moscow – Leningrad: Kniga. (In Russ.).
- Zemtsov, S. P. (2024). Sanctions risks and regional development: Russian case. *Baltic region*, 16(1), 23–45. (In Russ.). <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-2>
- Zubarevich, N. V. (2017). Development of the Russian space: barriers and opportunities for regional policy. *The World of New Economy*, 2, 46–57. (In Russ.).
- Zubarevich, N. V. (2019). Spatial development strategy: priorities and instruments. *Voprosy Ekonomiki*, 1, 135–145. (In Russ.).

<https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-135-145>

Zubarevich, N. V. (2022). Regions of Russia in the new economic realities. *Journal of the New Economic Association*, 3(55), 226–234. (In Russ.). <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-15>

Zubarevich, N. V. (2025). The impact of sanctions on the development of Russian regions in 2022–2024. *Journal of the New Economic Association*, 1(66), 274–281. (In Russ.). https://doi.org/10.31737/22212264_2025_1_274-281

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Информация об использовании искусственного интеллекта

ИИ не использовался.

Information about the use of artificial intelligence

AI was not used.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 20.12.2025

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 02.03.2026

Дата принятия в печать / Accepted 18.05.2026